

Михаил Алексеев

РЕШАЮЩИЙ ВЫБОР

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Алексеев

**Воскресное утро.
Решающий выбор**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Алексеев М. Е.

Воскресное утро. Решающий выбор / М. Е. Алексеев — «АСТ»,
2018 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-108336-6

Враг остановлен, история сменилась. Советский народ вместе с потомками приложил все силы для этого. Но теперь послезнание уже не дает прямых ответов на вопросы. Все уверены – Победа будет за нами! И все зависит от выбора пути достижения Победы Вождем советского народа. Этот выбор будет определять не только время и цену Победы, но и гораздо более важное – каким будет послевоенный мир. Правильный выбор или нет – станет ясно только через несколько десятилетий. Но делать этот выбор нужно здесь и сейчас! И отвечает за выбор он – Вождь!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-108336-6

© Алексеев М. Е., 2018
© АСТ, 2018

Михаил Алексеев

Воскресное утро

Решающий выбор

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 132

© Михаил Алексеев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

23 сентября 1941 года.

Штаб 1-й Ударной армии. Александрино

Командующий 1-й Ударной армией Герой Советского Союза генерал-лейтенант Оганян надевал парадный мундир, который он все же заказал и сшил в этом времени. Не хотелось ему отставать от своего товарища – уже генерал-майора Красавина, у которого мундир уже был. Тоже, кстати, Героя Советского Союза. После окончания Белорусской оборонительной операции на оба Особых корпуса – и воздушный, и общевойсковой – пролился наградной дождь.

Так вот – через полтора часа на аэродроме «Двоевка» должны были состояться праздничный парад и митинг по случаю выпуска молодых пилотов. Сто пятьдесят лейтенантов ВВС

– летчиков реактивной авиации – становились в строй воюющей страны. И он был приглашен на это мероприятие.

Штаб формируемой армии располагался в имении князей Волконских, расположенном в тридцати километрах севернее Вязьмы, неподалеку от разезда Касня. Из истории Иосиф Бакратович помнил, что именно здесь располагался штаб Западного фронта генерал-лейтенанта Конева осенью 1941 года той истории, закончившейся «Вяземским котлом». Но сейчас война идет другим путем и враг далеко отсюда.

Уже в дороге, глядя через стекло подаренного ему Сталиным ЗиС-101 на среднерусскую природу, Оганян перебирал в памяти все события, произошедшие с ним и его товарищами в этой необычной истории с момента окончания боев, в которых участвовали оба Особых корпуса РКК.

Ставка Верховного Главнокомандования, пополнив армии Западного фронта резервами и усилив фронт в целом еще 29-й и 3-й армиями, сочла необходимым и возможным вывести в тыл оба Особых, 5-й, 6-й механизированные и 6-й кавалерийский корпуса.

Причины для воздушного и общевойскового Особых корпусов были разными.

Реактивные истребители, активно использовавшиеся в течение месяца, требовали не полевого технического обслуживания, а регламентных работ в условиях базового аэродрома. Полки 43-й авиадивизии Захарова остались на фронте, кроме того, с аэродрома «Двоевка» под Минск был переброшен 16-й иап ПВО на самолетах МиГ-3. Ввиду подавляющего численного перевеса и при наличии действующих РЛС этого было достаточно для поддержания превосходства в воздухе. И вот теперь советские ВВС могли выставить на фронт три полка реактивной авиации.

Также было принято решение о формировании 1-й Ударной армии в составе 5-го и 6-го механизированных, 6-го кавалерийского корпусов. Еще в состав армии была передана тяжелая танковая дивизия в составе двух полков КВ-1 и одного полка КВ-2. В дальнейшем планировалось заменить эти танки самоходками СУ-152.

Особый корпус остался в резерве РКК. В этой истории не состоялось расформирование мехкорпусов и перехода на бригадную структуру. Корпуса состояли из дивизий.

Менялись штаты дивизий. Все мотострелковые дивизии стали шестиполкового состава: три мотострелковых, танковый, артиллерийский, зенитный полки и подразделения усиления и обеспечения. Бывшие 108-я и Пограничная стрелковые дивизии переводились на новые штаты как мотострелковые. Первая Особая дивизия реформировывалась полностью. Полковник Гольцев вместе с присвоением звания Героя получил погоны генерал-майора и сменил на этом посту Оганяна, став командиром Особого корпуса РКК. Штат 134-го полка почти не изменился, только в танковый батальон 134-го полка добавили роту Т-55, сделав батальон четырехротным. То же самое сделали с 23-м МСП, в нем танковый батальон должен был получить на вооружение Т-34. Сформировали новый артполк. Зенитный дивизион полка на «шилках» не тронули. Более того, добавили самоходную батарею спаренных авиационных 23-миллиметровых, теперь уже зенитных, пушек ВЯ, на базе бывших легких танков Т-40. Командиром этой дивизии, тоже с получением генеральских погон, стал Катук. 805-й артполк выводился из мотострелковой дивизии, и на основе его формировалась артиллерийская дивизия прорыва РКК в составе трех полков: полка «акаций», полка РСЗО в составе дивизионов «градов» и «катюш» и полка гаубиц МЛ-20. Командиром дивизии был назначен Герой Советского Союза генерал-майор Морозов.

Таким образом, Особый корпус стал иметь в своем составе четыре мотострелковые дивизии и в качестве усиления артиллерийскую дивизию РКК. Но самые большие изменения произошли в кадровом составе. Во всех частях произошли массовые перемещения командного состава. Офицеры из полков потомков перемещались в другие части корпуса, их места занимали люди из других дивизий корпуса. Существовало жесткое ограничение – командиры из

1979 года не выходили из структуры Особого корпуса. На самом вершине пока было решено поступить так. Большинству солдат и сержантов из 1979-го с образованием выше десятилетки было предложено использовать свои знания по специальности. Некоторые были демобилизованы. Кто не захотел покинуть части, получили офицерские звания и были отправлены на курсы ускоренной подготовки командного состава, образованные тут же, при корпусе. Меньше всего изменений произошло у танкистов и зенитчиков. Заменить экипажи Т-72-х и ракетных зенитных установок было невозможно. Пока невозможно. Танкисты, например, все имели по две медали, а некоторые и ордена, командиры всех экипажей получили звания младших лейтенантов, механики-водители и наводчики поголовно стали сержантами и старшинами. Но заметить их было нечем.

Не произошло изменений только у зенитчиков Маринина. Сам Маринин также стал Героем и получил звание генерал-майора, но усилить его полк пока не смогли: технику, которой был вооружен полк, скопировать было невозможно. Но работа в этом направлении велась интенсивная. 597-й отдельный разведбат стал корпусным разведбатальоном. Но основная часть личного состава была переведена в общевойсковой Центр переподготовки. Разведбат пополнили за счет разведбатов дивизий Особого корпуса и вместо забранных у них десяти Т-55-х передали ему все десять БМД 743-го воздушно-десантного батальона.

Большая часть личного состава 743-го батальона была использована в качестве инструкторов межведомственного Центра по подготовке подразделений осназа под командованием полковника Старинова. Герой Советского Союза полковник Жуков стал заместителем Старинова и отвечал за переподготовку командного состава воздушно-десантных войск. Вместо этих отдельных батальонов в 1-й Гвардейской особой МСД сформировали новый мотострелковый полк.

Бывший командир танкового батальона Т-72 Абрамов – тоже Герой Советского Союза – стал полковником. Он и ряд его офицеров образовали курсы переподготовки командиров танковых частей. Такие же курсы были организованы и для мотострелков и артиллеристов. Все эти курсы располагались вокруг Вязьмы, образуя единый общевойсковой Центр переподготовки командного состава Красной Армии. Полигон Центра располагался под Дорогобужем.

Шла замена техники и оружия и в других корпусах.

Кроме этого, на вооружение армии передавались все первые партии нового стрелкового оружия. Месяц кипела работа на всех подходящих для разгрузки техники станциях и полустанках железнодорожного узла Вязьма. Техника, пополнение, боеприпасы поступали круглосуточно. Так же круглосуточно это все развозилось и разъезжалось по частям. И тут же его начинали изучать и использовать на полигонах.

И это было всего лишь начало!

Через полтора часа Иосиф Бакратович принял участие в торжественном вручении погон молодым летчикам. Кроме него, в этом приняли участие все командиры частей из 1979 года, а также командующий ВВС СССР генерал-полковник Жигарев и командир 43-й авиадивизии генерал-майор Захаров.

Маленький плац Центра еле вместил всех желающих принять участие в этом мероприятии. После прохождения торжественным маршем, молодых офицеров пригласили на праздничный обед. Вечером перед ДК «Сокол» состоялся бал. Оганян с легкой грустью смотрел на женщин и девушек, одетых по моде конца семидесятых. На фронте вспоминать о семье было некогда, а вот сейчас нахлынули воспоминания о тех, кто остался в том времени. Оставалось только надеяться, что родные смогут пережить его исчезновение. Да и не один он такой!

Закончился этот день посиделками в штабе Центра в узком кругу командиров частей из 1970-х и Жигарева с Захаровым.

23 сентября 1941 года.

Висбаден

Людвиг Август Теодор Бек смотрел на Висбаден с горы Нероберг. Он любил подниматься на гору, смотреть на знакомый с детства город, бродить у «Греческой капеллы», любясь ее своеобразной, нетипичной для немецкой культуры, архитектурой. И вроде не первый раз он все это видел, но каждый раз это доставляло ему удовольствие. Причем удовольствие он получал и от того, что видел, как вырос и похорошел его родной город, и от того, что по прошествии лет стал видеть в его облике те мелочи и особенности, которые не замечал в детстве и юности. Тогда он, как и все в его возрасте, стремился быстрее вырасти и выйти в этот большой мир, который сулил столько возможностей и событий, славу и приключения. И никак иначе! Ведь все в юности думают именно так. Сорокалетних уже считают стариками, а жизнь практически бесконечной. А она, эта жизнь, пролетает со скоростью курьерского поезда. Кажется, только недавно был фаненюнкером, потом воевал на Западном фронте, потом любовь, рождение дочери и смерть жены, крах Империи, генеральские погоны, пост начальника Генерального штаба сухопутных войск, несогласие с политикой Гитлера, отставка. И вот теперь уже три года он никуда не торопится. У него появилось время рассмотреть то, что он пропустил в юности.

После почетной отставки с вручением погон генерал-полковника Людвиг Бек вернулся в город, в котором родился и вырос. Купил себе небольшой домик. Много ли нужно одинокому мужчине на склоне лет? Нанял кухарку и дворника. Это были пришлые, чужие для него люди. Единственным близким человеком в его доме был водитель. Генерал-полковника и младшего чина связывала, как это ни странно, дружба. С точки зрения прусской военной аристократии это было противоестественно. Однако ведь и его фамилия не имела приставки «фон». И как он должен был относиться к человеку, который был рядом с ним с далекого 1918 года, став в тот год водителем его персонального автомобиля, и прослужившего с ним двадцать лет?

Нельзя сказать, что эти три года прошли бессмысленно. Нет, он не сидел сложа руки, покачиваясь в кресле-качалке и глядя на проходящий остаток жизни. Он работал. Он, используя свои знания и практический опыт, писал военно-теоретические работы. Писал в стол, потому что никому эти работы были не нужны. Но не это было главным его разочарованием в конце жизни. Все эти три года его оппонент в споре о путях развития страны и ее вооруженных сил – Адольф Гитлер – доказывал, что генерал был не прав. Страна за страной на западе сдавались под всеокрушающими ударами вермахта и люфтваффе. Потом была Польша. Польская кампания не удивила его ничем. Вермахт и Войско Польское, во-первых, были противниками в разных весовых категориях, и, во-вторых, немецкое оперативное искусство превосходило польские возможности едва ли не на порядок. Что говорить о Польше, если даже Франция, страна, против которой сам отставной генерал воевал когда-то долгих четыре года, была разгромлена за полтора месяца и в том же вагоне, в котором было подписано перемирие 1918 года, подписала акт о капитуляции. И – Людвиг Бек признавал это – все было проведено блестяще. Глубоко в душе это удручало его. Ведь среди имен победителей его имени не было. Его уделом оставалось анализировать операции и кампании, основываясь на информации, которую ему периодически доставляли оставшиеся на службе товарищи из Генерального штаба сухопутных войск.

И вот теперь Советская Россия. Приграничные сражения с большевиками показали, что наконец-то вермахт получил достойного противника. Людвиг Бек не знал всех подробностей, информация из Генштаба была скупой и всегда сильно запаздывала, газеты, заполненные патристическим бредом, давали информации еще меньше. Однако даже из них отставной генерал черпал информацию, передвигая флажки у себя дома на крупной карте Евразии, на основе упоминания городов, за которые шли сражения. Кроме этого, пришлось воспользоваться радиопередачами из-за границы, в основном из Лондона, так как русского языка генерал не знал. Радио он слушал, когда прислуга уходила домой. Не доверял он власти, помня о ее делах в начале тридцатых.

На основе этой противоречивой и обрывчатой информации он сделал вывод, что задачи вермахта в приграничных сражениях оказались невыполненными. Войска «красных» понесли тяжелые потери – в этом не было сомнения. Однако, по информации из ГШ, далось это неожиданно большой кровью. Потери немецких войск в России не шли ни в какое сравнение с потерями на Западном фронте. За некоторые города приходилось платить кровью большей, чем за страны в Европе.

Потом англичане в течение двух недель сообщили две сенсационные новости: русскими был взят в плен командующий Третьей танковой группой генерал-полковник Герман Гот. Еще через две недели о том, что на Восточном фронте, в боях южнее Минска, погиб командующий Второй танковой группой генерал-полковник Гейнц Гудериан. Германские газеты об этом не обмолвились ни словом. Позже источники из ГШ подтвердили эту информацию.

Флажки на карте показывали, что фронт от Черного моря идет по Днепру, который вермахт, по-видимому, форсировать сил не имеет. Румыны держали в осаде русский порт Одесса, который взять тоже не могли. Кроме того, русские сохранили один плацдарм на правом берегу этой большой реки в районе Киева. В Белоруссии войска Группы армий «Центр» уткнулись в оборонительный рубеж по старой границе, и после того, как им «отбили руки», разгромив дивизии танковых групп, шансов преодолеть его почти не имели. Что удивительно – авиация русских на этом направлении наголову разбила Второй воздушный флот люфтваффе и господствовала в небе, чем значительно снижала оперативные возможности по переброске резервов и вообще маневрированию силами в своем тылу не только Группе «Центр», но и «Север». Поэтому и эта группа остановила свое наступление, не дойдя до Риги и Пскова. Факт – надежды германского Генштаба и лично Гитлера на блицкриг похоронены русскими на бескрайних просторах своей страны. Впереди война на истощение, и результат ее вполне предсказуем.

И сейчас мысли Людвиг Бека были далеки от его родного города. Последний месяц он снова перестал обращать внимание на мелочи в его любимых пейзажах. Кровь снова стала быстрее течь по его жилам. Он жаждал новостей и информации. Именно поэтому он перечитал Бисмарка, справедливо считая его мнение о русских наиболее авторитетным. И сделал для себя три выписки: первая – «Я знаю сто способов, как выманить русского медведя из берлоги, но не знаю ни одного, как загнать его обратно»; вторая – «Никогда ничего не замышляйте против России – на любую нашу хитрость они найдут свою глупость»; третья – «Превентивная война против России – самоубийство из-за страха смерти».

В его положении оставалось только ждать, кто окажется прав: «железный канцлер» или вождь Третьего рейха. Одного было жаль: ошибка вождя должна быть оплачена жизнями немцев.

И единственный шанс уменьшить эти потери – закончить эту войну.

24 сентября 1941 года.

Аэродром «Двоевка»

Утром 24 сентября Красавина разбудил звонок по ВЧ-связи. Звонил командующий ВВС генерал-лейтенант Жигарев. Красавин шел к аппарату ВЧ и размышлял, чем вызван этот звонок. Вроде проколов не было, с задачами справляемся. Добравшись уже до телефона, ни к какому выводу о причинах звонка он так и не пришел.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!

– Утро доброе, Владимир Васильевич! Наверно, голову ломаешь насчет звонка?

– Есть такое дело, Павел Федорович.

– Ну ладно, не будем ходить рядом да около. Вчера, точнее сегодня, немцы устроили масштабный ночной налет с территории Финляндии на Ленинград. Они пробовали это сделать летом, но люфтваффе мешали белые ночи, и наше ПВО справлялось. А в данный момент сложилось опасное положение. Я читал в ваших книгах, что в той истории этого не было. Видно,

мы сильно Гитлеру кое-что прищемили, раз он сумел заставить Маннергейма дать разрешение на размещение и работу тяжелой бомбардировочной авиации со своей территории. А может, и не возражал, в отместку за наши налеты на Хельсинки. Но ближе к делу. ПВО города и флота сделало все, что могло, но в городе большие разрушения. Хорошо хоть, мы воспользовались знанием и сумели провести противопожарную подготовку зданий. Верховный после моего доклада о налете ничего не сказал, но по его молчанию я понял, что он очень недоволен. А немцы, я думаю, если стянули сюда всю свою авиацию, на этом не успокоятся. Сам понимаешь, я своими средствами, без вашей помощи решительно изменить ситуацию не могу. А дальше могут последовать оргвыводы. Я, конечно, могу приказать, но делать мне этого без твоего совета не хочется. Поэтому обращаюсь к тебе – чем сможешь помочь?

– Павел Федорович, дай полчаса подумать и все взвесить.

– Добро! Через полчаса перезвоню.

Красавин обернулся к дежурному связисту.

– Быстро мне дай ЗАС с Марининым и Соколовым.

Через полчаса пришел вызов по ВЧ, и Красавин поднял трубку.

– Ну, чем сможешь приободрить, Владимир Васильевич?

– Значит, так. Я обсудил проблему с Марининым и Соколовым. Наши предложения такие.

Первое! Нужно перебросить эскадрилью перехватчиков МиГ-23 под Ленинград. Найдите там им полосу. Немцы летают ночью, поэтому МиГаами-17 я помочь не смогу. Всю обслугу их штатную возьмете на аэродроме в Вязьме. Техников нужно им добавить из числа постоянного состава нашего Центра. Они, конечно, не специалисты по этому самолету, но в любом случае лучше подготовлены, нежели вновь присланные вами. Обзорную РЛС и батарею ЗРК «Оса» возьмете там же.

Второе. Самолеты, понятное дело, перелетят, а вот технику и наземный персонал вы уж на месте решите, как быстрее переправить под Ленинград – своим ходом или по железной дороге.

Третье. Обеспечьте перехватчики 23-мм снарядами по месту базирования, а то жалко ракеты тратить, и керосином. Я думаю, они быстро отучат немцев летать ночью. Если сегодня к вечеру наземное обеспечение перебросите, ночью немцев будет ждать сюрприз. Ну, а организацию полетов перехватчиков, я думаю, можно взять минскую как пример.

– Спасибо, Владимир Васильевич! Я приблизительно так же размышлял, но решил, что нужно с вами посоветоваться. Еще раз спасибо. Потом сообщу вам, как пройдет это мероприятие. До свидания.

– До свидания, товарищ генерал-лейтенант!

24 сентября 1941 года.

Аэродром «Бобруйск»

Николай шел по аэродрому к штабу. Он прибыл транспортным бортом из госпиталя в Вязьме с пересадкой в Минске.

22 сентября медкомиссия госпиталя признала его здоровым и годным к летной работе без ограничений. Утром 23-го он получил на руки документы, форму и, попрощавшись с сестричками и ранеными из своей палаты, вышел из госпиталя. У входа бывшей школы его ждала Лена. Она практически через день навещала его в госпитале и знала, что сегодня его выписывают. Поцеловав, она тут же подхватила его под руку и потащила прочь, тараторя без умолку о планах на сегодня. Егоров сумел затащить ее в ближайший подъезд и закрыть ее рот поцелуем. Через минуту они вынуждены были прерваться из-за открывшейся на площадке первого этажа двери и, хихикая, выбежать из подъезда. Тут Николай пояснил, что у него на руках предписание явиться в свой полк и задержаться он не может: нечем будет оправдаться. Поэтому

ему нужно идти на станцию и узнавать, когда и как он сможет уехать из Вязьмы. А потом уже, исходя из оставшегося времени до поезда, можно и погулять. Леночка тут же предложила вариант добраться до Бобруйска самолетом. Оказывается, довольно часто из Вязьмы в Минск и Бобруйск летают транспортники, к тому же на городском аэродроме Вязьмы переучивается на истребители Як-1 160-й полк их дивизии. Полк встретил войну на самолетах И-15 и И-153 и понес самые большие потери в дивизии, поэтому первым и был отправлен в тыл на переформирование. Николай подумал и согласился, что это неплохой вариант. Но! Но все равно нужно показаться коменданту аэродрома и уяснить возможность улететь завтра. Поэтому сейчас нужно было добраться до аэродрома, который находился примерно в семи километрах от города. И Николай, закинув вещмешок за спину и подхватив Лену под руку, двинулся пешком в сторону аэродрома, надеясь все же поймать попутку, так как ему сразу бросилось в глаза обилие военных в городе и довольно интенсивное автомобильное движение.

И удача им улыбнулась: не успели они пройти и пятисот метров от южной окраины города, как их догнал грузовик с аэродрома, водитель которого знал Елену. Им даже махать не пришлось. Через сорок минут Егоров был уже у коменданта аэродрома. Действительно, завтра в Минск вылетает транспортный «Дуглас». Комендант сделал отметку о регистрации в командировочном удостоверении и предупредил о примерном времени отлета борта, после чего Егоров стал относительно свободным человеком на одни сутки. Ленка, узнав об этом, тут же составила план на это время и немедленно приступила к его исполнению. Поэтому, забросив свой сидор в палатку таких же командированных и ждущих бортов летчиков и техников, они первым делом отправились к штабу Центра на торжественные мероприятия по выпуску молодых лейтенантов-летчиков. Они немного опоздали, и потому пробиться в первые ряды им не удалось. Пришлось ограничиться тем, что можно было увидеть и услышать из задних рядов публики, присутствующей на этом мероприятии. Кстати, Николаю очень понравилась темно-синяя парадная форма молодых лейтенантов, с золотыми погонами и желтыми ремнями. На их фоне его уже изрядно застиранная гимнастерка смотрелась откровенно бедновато.

После того как торжества завершились парадным прохождением свежее испеченных лейтенантов перед трибуной и народ начал расходиться, чтобы отметить это дело на предстоящем банкете или в семейном кругу, Лена повела Николая к себе домой.

Квартира ее родителей располагалась в большом шестиподъездном доме на первом этаже. Николай хоть и был выходцем из крестьянской семьи, однако же привелось ему однажды посетить квартиру одного преподавателя из летного училища. Так вот, на фоне той квартиры двухкомнатная квартира Лены не поражала размерами. Особенно маленькой была кухня. Но тем не менее все удобства в квартире присутствовали, что было особенно ценно. Родители Елены были приглашены на торжественный ужин в офицерскую столовую, и Николай облегченно вздохнул. Как-то стеснительно он себя чувствовал, предполагая скорое знакомство с ними.

Пока Лена накрывала стол, Егоров походил по квартире, осматривая ее и обстановку в ней. Некоторые предметы он не узнавал, однако телевизор, похожий на тот, что был у них в госпитале, в квартире присутствовал. Проходя мимо серванта, Николай обратил внимание на фотографию за стеклом. Надпись сверху «Школьные годы чудесные...» и название школы подсказали ему, что это фото класса Елены. И ее он там разглядел. И цифры над снимками учеников – «1969–1979». Нет! У него были определенные подозрения на этот счет. Все, что происходило с момента перебазирования полка на Бобруйский аэродром, было окутано тайной, недоговорками случайно оброненных слов. Никто не пояснял, почему несколько странно смотрятся и даже говорят все эти люди, так или иначе связанные с новой, невиданной техникой. Более того, те, кто начинал интересоваться этими вопросами, в свою очередь вынуждены были давать объяснения сотрудникам НКВД, которые очень нервно на это реагировали. Никто не запрещал общаться им, но существовала граница, за пределами которой вопросы лучше

было не задавать. В любом случае ответов на них никто не давал, а проблемы возникали. Николай помнил, как из их полка внезапно были переведены куда-то на север несколько летчиков, проявивших к новеньким излишний с точки зрения НКВД интерес. В общем, Николай впал в не присущую летчикам-истребителям, оставшимся в квартире с любимой девушкой вдвоем, задумчивость. Одно дело предполагать, и совсем другое – знать точно!

Из этого состояния его смог вывести только жаркий поцелуй Лены, которая, не услышав от него ответа на предложение сесть за стол, вошла в комнату и увидела его таким. Посмотрев на него и поняв причину, посадила его на диван и стала приводить его в нормальное состояние простым и безотказным способом.

Николай пришел в себя, уже целуя левую грудь. Его внутреннее «я» в очередной раз сделало безуспешную попытку протестовать, но он снова послал его по всем известному адресу, и его пальцы скользнули под резинку трусиков, коснувшись влажных кудряшек. Лена сжала ноги и насмешливо прошептала: «Ну, вот и поправился!»

Потом они пили чай на кухне и просто разговаривали о школе, ее родителях, стараясь не касаться темы, от которой Николай чувствовал себя неуютно.

Из квартиры вышли уже под вечер. На улице было многолюдно, от ДК неслись звуки вальса духового оркестра, перемежаемые ритмами электрогитар. Николаю то и дело приходилось приветствовать встречающихся офицеров и командиров обоих времен, в то же время он пытался слушать то, что ему говорила Лена. Неожиданно она легонько дернула его за локоть, и он вопросительно взглянул на нее. Лена глазами показала на идущую навстречу им пару. Егоров понял, что высокий плотный майор и стройная красивая женщина – ее родители. Вскоре Лена представила их друг другу. Майор, пожимая руку Николая, внимательно посмотрел ему в глаза, как бы оценивая его, мать доброжелательно улыбалась и тут же пригласила их снова домой, посидеть за столом. Но Лена сказала, что Николаю завтра улетать на фронт, и они лучше погуляют вдвоем. На этом их первая встреча с родителями и закончилась. Николай облегченно вздохнул: все же он еще чувствовал себя не в своей тарелке.

Весь оставшийся вечер они с Леной гуляли по дорожкам городка, смеясь и болтая ни о чем. В сумерках он проводил Лену до подъезда, и после крайнего – как предпочитал выражаться Николай – поцелуя они расстались. Заснуть ему сразу не удалось, в голову все лезли мысли о странностях, связанных с Леной, их отношениями, о той коллизии с возрастом, о которой только сегодня он узнал точно. И только к утру Коля окончательно решил наплевать на все это, забыть об этих различиях и любить ее такой, какая она есть сейчас. Успокоенный этим принятым для себя решением, он наконец-то заснул, чтобы снова увидеть свою Ленку теперь уже во сне.

А утром, после завтрака, он вылетел сначала в Минск, а оттуда уже другим бортом добрался до своего полка.

Он шел по знакомому аэродрому, и на душе у него уже второй день был праздник. Ему махали руками знакомые летчики и техники. Из курилки ему навстречу высыпали его товарищи из эскадрильи. Кстати, некоторые уже были с погонами на плечах. Посыпались объятия, дружеские подначки и поздравления. Вот насчет поздравлений он что-то не понял. Когда переспросил, ему со смехом сказали, что в штабе объяснят. Друзья проводили его до штаба и предупредили, что будут ждать его тут. Войдя в штаб, лейтенант Егоров доложил о прибытии из госпиталя комполка. Тот поздравил его с возвращением в часть и тут же вызвал начальника штаба. Оба они были в погонах и с гвардейскими значками на груди. Кроме того, у комполка на гимнастерке сиял новенький орден Красного Знамени. Богданов, в свою очередь, поздравил с выздоровлением, после чего многозначительно переглянулся с НШ и, усмехнувшись, вытащил из ящика стола и положил на него погоны старшего лейтенанта.

– Поздравляю с присвоением очередного воинского звания «старший лейтенант»!

– Служу Советскому Союзу! – бодро ответил приятно удивленный Николай.

– И это еще не всё! – многозначительно добавил командир. – За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за десять лично и три в группе сбитых самолета противника, а также за смелость и героизм, проявленные в операции по спасению особо секретной техники, Указом Президиума Верховного Совета СССР летчик 5-го Гвардейского истребительного полка 2-й Гвардейской истребительной дивизии старший лейтенант Егоров награждается орденом Красного Знамени!

Егоров онемел. Командир достал из стола коробочку с орденом, открыл ее и, обойдя стол, прикрепил его к гимнастерке летчика. Только после этого Егоров сумел охрипшим от волнения голосом ответить «Служу Советскому Союзу!».

– Но и это еще не всё, – продолжил командир полка. – Приказом командующего ВВС СССР ты откомандировываешься из полка.

– Как? – растерялся Николай. – Куда?

– В Вяземский учебный авиационный центр, точнее в учебный полк реактивной авиации, – вздохнув, с сожалением разъяснил Богданов, – сам Красавин к Жигареву насчет тебя ходил. А я надеялся тебе звено дать. Но, увы! Таких козырей мне не перебить. Так что завтра собирайся обратно в Вязьму.

– Товарищ подполковник! Разрешите на сутки задержаться! Звание, орден... да и с ребятами попрощаться нужно, – взмолился Николай.

– Добро! Послезавтра улетаешь. Еще раз поздравляю, – и подполковник хлопнул его по плечу, – нас не забывай, может, еще к тебе переучиваться приедем.

Когда Николай вышел из штаба, ждавшие его друзья подхватили его и начали качать. На них с интересом смотрели новички – летчики 16-го иап ПВО, прибывшего вместо реактивщиков. У них еще с орденами было туго, и каждый из них мечтал встретиться с врагом в небе.

Вечером в палатке их эскадрильи было шумно – обмывали выздоровление, звездочки, орден и новое назначение. Нечасто у человека за один раз происходит столько приятных событий.

На следующий день Николай оформил все бумаги, собрал свои вещи, попрощался и утром 26 сентября выехал в Минск. Покуда трясся в полуторке до Минска, принял твердое решение: сразу по приезде заказать и сшить себе парадную и повседневную форму нового образца. Как и положено летчику-гвардейцу. Очень ему хотелось пройтись с Леной в новой красивой форме.

25 сентября 1941 года.

Ленинград

Гауптман Август Крюгер вел свое звено «Хейнкелей-111» на Ленинград. Была ночь, и самолет он вел по приборам по курсу, за которым следил его штурман. Хотя Август, кроме силуэтов ведомых своего звена, больше ничего не видел, он знал, что сейчас с ним в небе летит более двухсот экипажей немецких бомбардировщиков. Точно так же они в первый раз такой армадой летели вчера ночью. И вчера русские почувствовали на своей шкуре мощь немецкой авиации. Русские ночные истребители и артиллерия ПВО города не смогли удивить летчиков люфтваффе. Крюгер бывал в переделках и серьезнее. Его экипаж участвовал в операции «Битва за Англию», в том числе принимал участие в бомбардировках Ковентри. Задали они тогда жару заносчивым островитянам! Как он горел, этот их городишко! Странно, вчера пожаров в Петербурге на удивление было мало. Особенно если учесть количество принимавших участие в налете бомбардировщиков. Обычно внизу разгораются костры горящих домов, постепенно сливающиеся в море огня. И тогда последние волны бомбардировщиков уже без труда находят цели. Вчера этого не было.

«Герр гауптман! Линия фронта под нами!» – доложил штурман. Август кивнул. Русские держат оборону в предместьях финского города Виипури, который они называют Выборг. От

него до Петербурга остается примерно 140 километров по прямой. То есть 25 минут полета – и на большевистский город снова упадут бомбы. Неожиданно где-то впереди взорвался и развалился на части самолет. Август увидел лишь вспышку и падающие обломки самолета. При взрыве пострадали и самолеты, летевшие рядом со сбитым. Пока Август раздумывал, что бы это могло быть, где-то слева сверкнула еще одна вспышка. Потом сверху впереди, потом справа. Самолеты взрывались хаотично, без всякой системы. И тем страшнее.

«Экипажам усилить наблюдение за воздухом!» – подал команду своему звену гауптман. Наверняка сейчас все пилоты бомбардировщиков крутили головами, пытаясь в черноте неба найти подкрадывающиеся русские истребители. Внимание Крюгера привлек быстро перемещающийся огонек. Он летел справа сверху и, что удивительно, периодически изменял траекторию. До тех пор, пока не исчез во вспышке очередного взорвавшегося самолета. Чуть позже Август заметил еще подобный огонек, закончившийся взрывом. По его спине побежали мурашки, и сердце похолодело. Он слышал о появившихся на Восточном фронте новых русских самолетах, прозванных немецкими летчиками «Быстрыми дьяволами», но, по рассказам очевидцев, те летали днем. И еще он слышал от своего товарища, летавшего на бомбардировщике на Восточном фронте, историю о том, как его эскадра принимала участие в бомбардировке города Минска. Точнее – в попытке. Товарищ летел во второй волне, когда они услышали предсмертные крики шестидесяти экипажей первой волны. Были сбиты *все* самолеты первой волны. И по секрету товарищ рассказал, что сбили их русские управляемыми ракетами. Об этом смогли им рассказать несколько выживших пилотов, которые покинули самолеты еще до того, как их сбили, и сумели продержаться в русском лесу две недели, пока этот район не отвоёвал вермахт. Похоже, здесь их ждало то же самое.

Сжав зубы и молясь про себя, Крюгер вел самолет, прекрасно осознавая, что сейчас они все играют в «русскую рулетку».

Так продолжалось минут десять, и пока ни один самолет из звена Крюгера не пострадал. И тут откуда-то из темноты неба к ведущему девятки слева выше протянулась пушечная трасса. Самолет вспыхнул и начал разваливаться, но через секунды по направлению, откуда пришла эта убийственная трасса, со всех ближайших самолетов ударили пулеметы бортстрелков. Чернота неба оказалась перечеркнута смертельными пунктирами, сходящимися примерно в одной точке. Однако внезапно, выше этих трасс, возникло голубое пламя, бьющее узким конусом и состоящее как бы из трех частей. И это пламя стремительно уходило куда-то в высоту. Скорость, с какой оно перемещалось, поражала воображение. И пока все внимание немецких стрелков и летчиков было приковано к предполагаемому в темноте истребителю, такой же пунктир развалил теперь самолет справа. А потом эти пунктиры стали возникать из бездны неба то тут, то там. И каждый пунктир ставил точку в чьей-то жизни.

Нервы немецких пилотов были на пределе, и, когда на подлете к Петербургу где-то внизу возникли короткие вспышки и к бомбардировщикам понеслась на огненных хвостах смерть, они не выдержали и, ломая строй, открывая бомбоотсеки и сбрасывая бомбы прямо в вираже, рванулись к спасению, назад, на запад. Они, честные и храбрые солдаты Великой Германии, готовы были сразиться с любым врагом, но только если бы у них был хотя бы один шанс его поразить. А этого шанса им не давали. Через час на аэродром в Финляндии приземлился последний вернувшийся самолет. И число вернувшихся было почти на полторы сотни меньше, чем взлетевших два часа назад.

26 сентября 1941 года.

Научно-исследовательский испытательный полигон. Кубинка

Степан Акопович Акопов, две недели назад назначенный наркомом среднего машиностроения, стоял у ворот Научно-исследовательского испытательного полигона. Было без десяти девять утра, и сюда он прибыл по настоятельной просьбе Лаврентия Берии. Причем Берия под-

черкнул, что их встреча должна состояться именно здесь, и что кроме наркома в ней должны принять участие директора и ведущие специалисты заводов ГАЗ и ЗиС. Причину, вызвавшую необходимость этой встречи, Акопов не знал. Хотя смутные догадки и витали в его голове. Связано это было с тем, что знакомый ему инженер-конструктор Астров, предложенная им техника производилась на предприятиях его наркомата, внезапно сменил направление своей деятельности с разработки и производства легких танков на самоходно-артиллерийские установки. И довольно успешно. Уже существовало несколько опытных образцов. И, по слухам, эти изменения в деятельности Астрова произошли после такого же внезапного вызова. Правда, не в НКВД, а в Генштаб. Кроме того, ходили слухи, что ведущие танковые и артиллерийские конструкторы встречались со Сталиным. И у них тоже произошла резкая активизация деятельности. Хотя ничего удивительного в этом нет. Идет война, есть уже определенные результаты эксплуатации боевой техники не в полигонных, а реальных условиях, и это нормально, когда инженерная мысль приводит в соответствии теорию с практикой. Удивительно, конечно, что лично Сталин этим занимается. Но вождю советского народа виднее, что является наиболее важным в данный момент. На то он и вождь.

Ну и последняя догадка Степана Акоповича состояла в том, что этот разговор вряд ли будет сухим и канцелярским. Раз приехали на полигон, значит, будет на что посмотреть. Иначе пообщаться можно было и в кабинете.

Ровно в девять утра подъехала в сопровождении охраны машина Берии. Лаврентий Павлович, сверкнув линзами пенсне, сухо поздоровался со всеми и, показав рукой в сторону проходной, произнес: «Пройдемте, товарищи!» И первым двинулся к воротам. Идти пришлось прилично. Вокруг царил нормальная рабочая атмосфера. Нормальная – для бронетанкового полигона. Потому что где-то неподалеку бухало орудие, перекликаясь с пулеметными очередями. В открытых боксах виднелись разнообразные боевые машины, вокруг которых кипела рабочая суета.

Их целью оказался ангар на краю застройки полигона. Ангар охранялся бойцами НКВД. Недалеке стояла группа, одетая в спецовки и комбинезоны. Начальник караула доложил генеральному комиссару государственной безопасности, и тот, выслушав доклад, распорядился открыть боксы. В боксах стояли машины. На их бамперах виднелись таблички с текстом, который с такого расстояния рассмотреть было невозможно.

– Товарищи! – обратился к ним Берия. – Первые месяцы войны показали, что мы не совсем верно расставляли приоритеты, готовясь к отражению нападения сил империализма на нашу Родину. Мы сделали очень много танков. Но практика показала, что этого недостаточно. Недостаточно сделать танки. Нужно их еще и обеспечить снарядами, топливом, запасными частями. И доставить это все в нужное время и туда, где это требуется. Кроме того, танки могут взять рубеж или территорию. Но чтобы удержать занятое, нужны пехота и артиллерия. А их также нужно доставить в нужное место и в нужное время. Идеально, если и пехота, и артиллерия двигаются вместе с танками. Но пехота пешим порядком и артиллерия на конной тяге этого сделать не могут. Значит, нужны автомобили. К сожалению, мы поняли это слишком поздно. Определяя будущую войну как войну моторов, мы упустили, что это относится не только к танкам и самолетам, но и к автотранспорту. Мы много сделали за эти годы. Но все же недостаточно. Недостаточно с точки зрения как количества, так и качества. То есть мощностей двух наших заводов для нужд народного хозяйства и Красной Армии недостаточно. Кроме того, для Красной Армии недостаточно возможностей автомобилей, которые мы выпускаем. Красной Армии нужны как воздух автомобили, способные двигаться вслед за танками и обеспечивать их всем необходимым. Вы меня извините за столь многословное предисловие, но оно нужно для того, чтобы каждый из вас понял важность задачи, стоящей перед вами, и приложил все силы, чтобы решить ее в кратчайшие сроки. Помните! Каждый день на фронте гибнут люди. И в ваших силах уменьшить потери и приблизить нашу победу в войне. Теперь

конкретно: Красной Армии требуются автомобили-вездеходы. Сейчас вы ознакомитесь с представленными образцами. Помощь вам окажут водители этих автомобилей.

И Берия указал рукой на группу, стоявшую поодаль. После этого жеста водители разошлись по своим машинам и остановились слева у бамперов.

– Можете попробовать на ходу. На это время полигон предоставлен вам. Уточнение! Товарищи из Горького, ваши машины с вашей же маркой ГАЗ и УАЗ. Московский завод – автомашины марки ЗИЛ и «Урал». На десерт – посмотрите американца. И последнее, на что хочу обратить ваше внимание. Если вам встретится что-то необычное, а оно вам обязательно встретится, помните: вы все предупреждены о секретности происходящего, в чем и расписались! Ваше дело – техника и технологии. Об остальном что-либо спрашивать я запрещаю. Забудьте о всех странностях. Даже во сне не вспоминайте. А теперь, если нет вопросов, можете приступать.

Инженеры обоих заводов, жадно разглядывающие все это время стоявшие перед ними машины, чуть ли не бегом бросились к ним. Акопов последовал было за ними, когда его остановил голос Берии:

– А вас, Степан Акопович, я попрошу остаться! Проводите меня до машины.

Акопов вынужден был вернуться, и они вместе с Лаврентием Павловичем не торопясь направились к КПП полигона.

– Технари пусть разбираются с техникой, а нам, руководителям, нужно подумать об организационных вопросах, – продолжил Берия. – Итак, вопрос первый. Хотя это уже не вопрос, а решение. Решение Государственного Комитета Обороны, о котором я вас уполномочен ознакомить. Бумажный экземпляр с подписью товарища Сталина и печатью сегодня будет у вас в наркомате. Суть решения: вашему наркомату следует выделить часть инженерных и рабочих кадров с оборудованием для переоборудования и организации двух автомобильных заводов. Ярославский завод – вначале он будет выпускать то же самое, что и московский завод, а в дальнейшем он будет выпускать «Уралы». ГАЗ строит и обеспечивает кадрами и оборудованием завод в Ульяновске. Там будут в перспективе выпускаться легковые полноприводные автомобили ГАЗ-67 и позже ГАЗ-69 и УАЗ-469. Но все это следует сделать, не снижая выпуск автомобилей на обоих заводах! Поэтому в течение двух недель от вас требуется составить заявку на необходимое оборудование, станки и, если понадобится, специалистов. Это первое.

Второе. Сейчас ваши специалисты осмотрят технику. Часть из техники им знакома. Она построена на основе предвоенных разработок, и часть этих разработок уже используется, но большая часть – нет. Вам следует определиться с одной новой моделью для каждого завода. Требование – машина должна быть полноприводной и требующей минимального времени и ресурсов для постановки на конвейер. Определиться нужно быстро, потому что необходимое оборудование для производства следует включить в названную мной заявку. ГКО считает вопрос производства автомобилей в СССР и насыщение ими Красной Армии приоритетным и готово купить нужное оборудование за границей. За золото. Поэтому в желаниях знайте границы. На данный момент, учитывая, что развертывание нового производства и выпуск новых моделей дело не одного дня, принято решение о закупке американского автомобиля формулы 6 × 6 «Студебеккер». Он также представлен вашим инженерам. Сейчас зондируем почву на предмет возможности приобретения завода по производству этой машины под ключ. Мы знаем, что корпорация «Студебеккер» проиграла тендер на поставку этого автомобиля для американской армии, и надеемся воспользоваться этим моментом. Но, как говорят некоторые мои знакомые, на Аллаха надейся, а верблюда привязывай. Рассчитывать нужно в основном на свои силы, а американский завод, если получится, будет приятным бонусом. Вот мы и дошли.

Берия открыл дверцу машины и, нагнувшись, достал из салона папку.

– Здесь аналитическая записка, составленная... группой товарищей. Все, что касается автомобилей, с которыми сейчас знакомятся ваши инженеры. Анализ и выводы. Думаю, она

вам поможет в принятии решений. И еще! Следующим шагом в развитии отрасли вашего наркомата будет производство броневедомостей. Точнее, бронетранспортеров. Пехота должна иметь возможность не только двигаться за танками, но и воевать на колесах. В записке есть эскизы и основные ТТХ бронетранспортеров. Так что тоже учтите перспективу. Ну, а теперь мне пора на очередное совещание, а вы можете присоединиться к подчиненным, – усмехнувшись, Берия протянул руку Акопову. – Я видел, что и вам не терпелось познакомиться с новинками поближе. До свидания!

Попрощавшись с Берией, Акопов действительно поспешил к боксу с техникой.

Весь световой день он со своей группой провел на полигоне. Они успели попробовать все представленные образцы. А ночь ушла на определение моделей, которые можно поставить на конвейер, и согласование необходимого для этого оборудования. Решено было на ЗиСе поставить еще один конвейер по производству ЗИЛ-157, переименовав его в ЗиС-157. После выхода этой линии на проектную мощность снять с производства ЗиС-5 и заменить его на ЗиС-150. В Горьком по той же схеме ставили ГАЗ-63 и ГАЗ-51 вместо ГАЗ-АА. Кроме того, в Ульяновске планировали создать производство ГАЗ-67 и в перспективе ГАЗ-69 и УАЗ-452. Модели ГАЗ-66, ЗиЛ-130, 131, «Урал-375» и «Урал-4320», УАЗ-469 были оставлены на послевоенное время.

Группы инженеров, имеющих допуск к изучению новой техники, провели на полигоне две недели, готовя данные для чертежей новых автомобилей.

Через месяц опытные цеха обоих заводов приступили к изготовлению комплектующих для нового производства и отработки технологических карт. И в это же время в Ярославль и Ульяновск убыли первые партии специалистов и оборудования.

1 октября 1941 года.

Москва. Штаб ВВС Красной Армии

Неожиданно после предварительного звонка в Штаб ВВС приехал уже старший майор ГБ Воронов, бывший офицер Особого отдела 45-й Гвардейской мотострелковой Красносельской ордена Ленина Краснознаменной дивизии, в настоящее время служивший где-то в верхах ГУГБ НКВД. Позвонил он Жигареву, чтобы согласовать время, и предупредил, чтобы при разговоре присутствовал его заместитель – генерал-майор Красавин.

Разговор состоялся в кабинете главкома ВВС и начался с рюмки коньяка, который привез с собой Воронов. Сначала поговорили о том, как и у кого из общих знакомых идут дела, не вдаваясь в подробности. А потом Воронов перешел к делу. И показал секретный приказ о проведении операции «Поводырь». Подписан он был лично Сталиным, и в списке на ознакомление с ним было всего лишь несколько фамилий. В том числе и Жигарев с Красавиным.

– Итак, начну плясать от печки. После участия Особых корпусов в Белорусской оборонительной операции они были выведены в тыл. И вот тогда НКВД в первую очередь и Управление кадров Красной Армии озаботились отсутствием личных дел военнослужащих из 1979 года. Они ведь все там остались. Ну, почти все. Кроме ДОСААФ. Понадобилось их составить вновь. Хотя бы со слов военнослужащих. А как по-другому? Здесь-то ни доармейского периода, ни при прохождении службы в других частях отследить невозможно. То есть с точки зрения особистов, биография каждого – чистый лист. А это не есть хорошо во всех смыслах. Ну и занялись этим делом. Заодно опрашивали, кто, что, где был, служил, кого знал, что видел и так далее. Помните, ВВС проводило бомбардировку Пенемюнде по информации одного офицера, бывавшего там в семидесятые годы? Вот и тут вспомнил один товарищ, как во время службы в Северной группе войск ездил на экскурсию. Это группа советских войск в Польской Народной Республике, – пояснил он, отвечая на вопросительный взгляд Жигарева.

– Продолжаю. Ездил он на экскурсию в одно местечко восточнее Кентшина. На развалины полевой ставки Гитлера «Растенбург». Так вот, он смог указать на карте место ее распо-

ложения и дать информацию об этой ставке, ее охране, защищенности и так далее. В рамках информации экскурсовода. Сначала, когда нам доложили вообще о ее местонахождении, проскочила мысль решить все с помощью диверсантов и десантников. Но позже, задавая дополнительные вопросы и вытаскивая из памяти этого офицера уточнения, мы пришли к выводу о практической невозможности этой операции. Посудите сами – охраняемый радиус двадцать пять километров. Лишних людей там просто нет. Все дороги в охраняемом периметре прикрыты дотами, и их далеко не по одному, поляны, подходящие для высадки десантников или легких самолетов, заминированы. Причем, по словам офицера, экскурсовод уточнил: мины в керамических корпусах. То есть миноискателем их не найти и не разминировать.

Далее. Внутри периметра несет службу охранная дивизия СС. Это кроме личной охраны Гитлера. Там же расквартированы подразделения обеспечения штабов ОКХ, люфтваффе и так далее. Это не полноценные штабы – передовые группы, но все имеют службы обеспечения. Там же стоят несколько дивизионов ПВО. Все это прекрасно замаскировано, и в той истории никакая разведка обнаружить эту ставку не смогла. В общем, шансов на успех, даже с учетом гибели всего десанта, немного. Да что там говорить, нет вообще. Поэтому возникла мысль использовать ВВС. А чтобы обмозговать это, и нужен был этот разговор. Потому что наверняка будут подводные камни, чисто специфические. И хотелось бы знать их и принять меры по устранению их влияния заранее.

Он замолчал, испытующе поглядывая на генералов. Жигарев встал, подошел к шкафу и, порывшись, вернулся к столу с картой.

– И где это? – переспросил он Воронова, раскладывая карту на столе.

– Вот! – ткнул тот пальцем в точку на карте.

– Ну... не так все и плохо. Ориентир приличный – озера не спрячешь. С одной стороны. С другой, я так понимаю, это просто квадрат на карте. В данном случае два на два километра. А что там за бункер? Есть информация?

– Есть. По словам источника, Гитлер очень боялся обнаружения ставки и ее бомбежки. Поэтому первоначальные пятиметровые бетонные перекрытия к концу войны в той истории достигли толщины одиннадцати метров.

Красавин присвистнул, удивленно покачивая головой.

– М-да... даже пять метров впечатляет. Я так понимаю, именно такая толщина сейчас? – и он вопросительно посмотрел на Воронова.

– Скорей всего. Но проверить мы не можем?

Жигарев отрицательно покачал головой.

– На сегодня нет боеприпасов, способных пробить такую толщину железобетона. Хотя, если бункер недостаточно глубокий, а я думаю, это именно так, местность явно вокруг болотистая, то в любом случае при нанесении бомбового удара боеприпасами массой в одну тонну убитые и контуженые будут и внутри бункера. Главное, чтобы тот, кто нам нужен, был там.

И он вопросительно посмотрел на Воронова.

– Мы работаем над этим вопросом, – уклончиво ответил тот на немой вопрос.

– Главное, чтобы ВВС было готово к нанесению удара в течение суток, максимум двух, после команды. В общем, вам двоим нужно разработать и иметь план операции. Необходимых людей можно подключать к разработке, не информируя их о цели и месте операции. Когда она начнется, как вы понимаете, я сказать не могу по объективным причинам. Но нужно быть готовыми. Если будут вопросы, звоните. Если у меня будет информация, полезная для вас, тоже немедленно свяжусь с вами. А сейчас разрешите откланяться – дел невпроворот. Спать некогда. Рад был с вами встретиться. Пусть и по служебным делам. После Победы обязательно посидим. До свидания!

7 октября 1941 года.

Вязьма. Аэродром «Двоевка»

В ночь с понедельника на вторник выпал первый снег. Он быстро растаял, но показал, что зима в этом году будет ранняя. На утренней зарядке курсанты с хохотом обкидали друг друга снежками, устроив сражение между эскадрильями. Пробежка до «точки» и обратно по первому снегу подняла настроение, упавшее этим хмурым утром из-за нелетной погоды. Значит, сегодня будет снова теория.

Курсанты учебного полка уже две недели осваивали в теории реактивные самолеты. Правда, кроме теории все сделали лишь по ознакомительному полету на «спарке». Командование, учитывая, что весь курсантский состав имеет летную практику на поршневых самолетах, а некоторые – к которым принадлежал и старший лейтенант Егоров – и боевой опыт, уплотнило и ограничило учебный процесс шестью месяцами. Жили они рядом со штабом и столовой в трехэтажной курсантской казарме со всеми удобствами. Тут все было рядом, в том числе и клуб, в который они ходили в свободное время в кино, библиотеку и спортзал. В спортзале чаще всего играли в волейбол, который был очень популярен среди местных мальчишек и летчиков. На аэродром их отвозили автобусом, а обратно они чаще всего с удовольствием возвращались пешком по бетонке, либо по тропинке через небольшой лесок и улицу Лесную. Улица полностью оправдывала свое название – небольшие финские щитовые домики, в которых жили семьи в основном технического состава, скрывались среди деревьев. Вся улица располагалась в роще. После восьми вечера и до отбоя и бетонка, и тропки были заполнены гуляющими парочками и группами молодежи. Фронт был далеко, и практически ничто здесь не напоминало о войне. Разве что часто встречались патрули НКВД и все офицеры ходили с личным оружием.

Николай запомнил волнение, с каким он впервые сел в кабину «спарки» и первый полет. Это было столь же впечатляюще, как и первый полет на У-2. Но возможности этой машины кратно превосходили возможности даже боевых поршневых истребителей. И каждый раз, когда он даже в учебном классе слышал высокий свист турбин запускаемых на аэродроме двигателей, его сердце стучало быстрее. И все его товарищи, теперь такие же, как и он, курсанты, болели тем же самым. И каждый мечтал сесть в кабину боевого МиГ-17 и почувствовать себя богом в небе.

И все хорошо было у него с Леной. Вернувшись в Вязьму, он выполнил свое тайное желание – заказал, а потом в течение недели ему сшили парадный и повседневный мундиры ВВС с погонями. Отец Лены помог ей перевестись в столовую Центра, и теперь они могли встречаться не только вечерами, но и на приемах пищи. В первый же вечер Лена не утерпела и прошлась с ним мимо лавочки, на которой вечерами собирались знакомые ей девчонки. Нужно было видеть ее лицо в этот момент! Их отношения уже перешли, как говорила Лена, пионерскую дистанцию и вышли на финишную прямую – либо Николаю нужно было просить ее стать его женой, либо становиться негодяем.

Сначала они, как и все, гуляли по бетонке и дорожкам городка. Потом однажды Лена, помахав ему перед лицом ключиками, повела его на дачу подруги. Дача представляла собой небольшой домик с пристройкой, в которой стоял сельхозинвентарь, и комнатой со столом и старой кроватью. Но не все было так просто. Кругом на своих участках копались люди, поэтому приходилось «гулять» четвергом – второй парой была хозяйка дачи и ее молодой человек – тоже курсант из другой эскадрильи. Поэтому внешне это выглядело – ну, по крайней мере, в глазах самих влюбленных – достаточно целомудренно. Кровать и вообще вся комната были заняты хозяйкой, а Николаю и Елене оставалась пристройка. Не в первый день, но путь Колькиной руки до трусиков Лены, а чуть позже и до того, что было под ними, был пройден. Сердце в груди стучало так, что казалось, выскочит наружу. А дальше... а дальше было негде! Следствием этих свиданий были опухшие от поцелуев губы и боль внизу живота. Пару раз Лена доставала ключи от квартир подруг, родителей которых в это время не было дома. Воспоминания об этом сразу вызывали определенные неудобства в штанах у Николая.

Первый раз они попали на такую квартиру случайно, за час до окончания увольнительной Егорова. Все, что он успел за этот час, это довести Лену до состояния согласия, раздеться, раздеться самому и, с сожалением оглядев свою любимую, раскинувшуюся на постели перед ним, всю без остатка, быстро, как по тревоге, одеться. До окончания увольнения оставалось пятнадцать минут, и он уже практически опаздывал. Он был настоящим военным с исключительно обостренным чувством долга. В тот раз ему повезло: его на дороге подобрала машина НКВД, идущая к штабу, и он успел. А Лена поняла и простила ему этот поступок.

Второй раз времени было больше, но Лена почему-то не хотела этого. Потом, посмотрев на расстроенное лицо сгоравшего от желания Николая, внезапно разделась сама. Это случилось неожиданно, хотя в мечтах Николай это проделал уже много раз. И сейчас, глядя на любимую сверху вниз, лежащую на простынях и от того выделяющуюся на их фоне своей темной стрижкой, блестящими карими глазами, задорно вздернутыми темными сосками грудок и темным, манящим треугольником между мраморно-белых ног, он вдруг успокоился – она *его*, и никто не сможет ее у него отобрать! Его, и только *его*!

Он наклонился над ней и провел рукой по ее щеке, шее, груди, задержавшись на ее сосках, животе. Скользнул пальцами во влажный треугольник и опустил по мокрым бедрам ниже. Она вся была его! В груди бухало сердце, губы пересохли от волнения. Он даже не заметил, как разделся сам. Где-то у него билась мысль, что сейчас не время рожать детей, и он, как взрослый, должен об этом подумать, и он соглашался с этой мыслью. Но эта мысль продержалась ровно до первого движения. Секундами позже он уже плюнул на нее, заменив утверждением, что это *она* — его любимая и желанная! *Она* – станет его женой! Она – уже его жена, которая родит ему *его* детей! И он не собирается ни о чем жалеть.

Через какое-то время они лежали рядом, и он не переставая что-то шептал, обнимая ее и зарывшись лицом в ее волосы, с наслаждением вдыхая их запах. А она, закинув на него ногу, крепко прильнув всем телом к нему и положив голову ему на плечо, молча улыбалась и гладила его. В этот день у них больше ничего не было. Лена боялась, что второй раз подряд будет еще больней, и он не настаивал. Он был счастлив!

И сегодня, одетый в парадный мундир, блестя золотыми погонами и орденом Красного Знамени, он шел к родителям Лены. Он шел просить руки той, которой готов был отдать не только сердце, но и жизнь. Шел и сам нравился себе. Эх! Видели бы сейчас его бывшие одноклассницы! Хотя... к чему? Он уже ничего не хотел им доказывать.

О том, что он сегодня придет, он запиской сообщил Лене на завтраке через ее подругу – у Лены был выходной, а ему комэск дал увольнительную по такому случаю. День был выбран неспроста, в этот день родители Лены должны были быть дома.

23 октября 1941 года.

Где-то под Вязьмой

Сергей Смирнов смотрел, как танки его роты преодолевают препятствия на трассе танкодрома.

После боев под Житковичами и вывода их полка в составе корпуса под Минск он так и остался сначала врио командира роты, а потом с присвоением досрочного звания «старший лейтенант» и вручением ордена Красного Знамени был утвержден в этой должности приказом. Там, под Минском, он передал оставшиеся от роты два последних БТ-7 в резерв, и уже в Вязьму остатки его роты прибыли «безлошадными».

Сначала он не придавал этому значения: как и все, ждал новой техники. Перевооружались «соседи», он лично видел колонны новеньких Т-34, идущих в распоряжение «Пролетарки». Он даже успел облазить эту новую технику. Она оказалась новой во всех отношениях: башня была совершенно другой конструкции. Танкисты ее прозвали «гайкой» за весьма схожий вид. Внутри эта машина была удобнее. Те, кто успел повоевать на «тридцатьчетвер-

ках» предыдущей модификации, сразу же оценили изменения в этой. Двигатель имел большой ресурс, пятиступенчатую коробку передач, более просторная башня была удобнее в обслуживании орудия, командир танка получил башенку над своим люком и вместе с ней хороший обзор. Как сказали те, кто передавал эти танки, была также улучшена бронезащита.

А вот в их полк танки все не поступали. Весь танковый батальон 23-го МСП и его рота в том числе не вылезали из нарядов и караулов. Начальник штаба полка старался максимально освободить все остальные подразделения от нарядов, чтобы они быстрее осваивали новую технику и оружие. Артдивизион хвастался своими новыми самоходками СУ-76, пехота – СКСами и ППСами, а танкисты 23-го полка по-прежнему оставались без техники. Да еще в таком же положении оказался новый полк дивизии, который только формировался.

Смирнов не находил этому объяснения.

И вот с опозданием на три недели им сообщили, что завтра придут эшелоны с танками для их батальона, поэтому в наряды на завтра уже готовились пехота и артиллеристы.

После завтрака начальник штаба полка и комбат уехали на станцию.

Весь личный состав батальона сосредоточился вокруг курилки у полевого КПП полка, с нетерпением поглядывая на проселочную дорогу.

Время уже приближалось к построению на обед, когда у дальней кромки леса за полем показалась темная лента колонны. Когда через пятнадцать минут она перестроилась перед КПП в шеренгу и заглох двигатель последнего танка, стало слышно, как чирикают воробьи под крышей штаба и шумит голыми ветвями берез ветерок. Батальон во все глаза молча смотрел на танки. *Их танки!*

С переднего танка прыгнул комбат и скомандовал построение.

Когда батальон построился, он подал команду «Смирно!» и, обведя строй глазами, с усмешкой спросил:

– Что? Не ждали? – и, не дожидаясь ответа, добавил: – Родина доверяет вам лучшее оружие, которое она только может сейчас сделать – танк Т-34-85! И надеется, что мы еще лучше будем громить врага! А сейчас – вольно! Разойдись! Можно ознакомиться.

И батальон бросился к танкам! Наводчики осматривали орудия и башни, которые были не в пример больше даже «гайки», командиры танков, взводов и рот осваивались на своем месте, оценивая удобство и обзор. Перегонщики с завода рассказывали о танках и их характеристиках. Минут через двадцать с трудом удалось построить батальон на прием пищи.

Оказалось, в их дивизию поступила первая партия этих машин. Теперь Смирнов понял, почему им не дали Т-34 с башней «гайка».

И сейчас он любовался этими красавицами. Даже легкая зависть к экипажам Т-55 и Т-72 затихла в его душе. Может, потому что он понял – рано или поздно он сядет в Т-55. А потом, возможно, и в Т-72. Страна, не жалея сил, вооружала свою армию. И путь развития танков он представлял себе уже достаточно ясно.

10:00. 7 ноября 1941 года.

Москва. Красная площадь

Военный парад в Москве 7 ноября 1941 года проводили уже с учетом изменившейся обстановки. ПВО города гарантировало отсутствие авиации противника. Поэтому парад начался уже в светлое время суток. Были приглашены послы и военные атташе всех посольств Москвы. И гораздо больше дипломатов на трибунах было корреспондентов отечественных и зарубежных газет.

По заснеженной брусчатке площади шли части Московского гарнизона.

Сталин, стоя вместе с членами Политбюро, Правительства и ГКО на трибуне Мавзолея, с удовлетворением смотрел на проходящие колонны войск. А на гостевых трибунах царил просто ажиотаж. Корреспонденты и атташе лихорадочно снимали проходящую технику, перезаря-

жали фотоаппараты и снова снимали. Те, кто не подготовился, и пленка у них уже кончилась, металась в поисках запасных, выпрашивая, вымаливая у коллег.

По площади шли представители лучших соединений Красной Армии! И как шли! Появление стройных колонн Т-34 и СУ-76 вызывали восхищение! Следом на грузовиках шли мотострелки. Фигурки экипажей в люках и пехоты в бронезилетах и маскировочных костюмах казались застывшими изваяниями. Но ни у кого не было сомнений – команда! Миг! И эти солдаты сорвутся в едином движении, выполняя приказ!

Были сомнения: показывать иностранцам новую технику или не показывать. Решили пока ограничиться самой новой техникой, уже стоящей на вооружении. Технику потомков показывать не стали. Но понятно – долго шила в мешке не утаишь. Немцы уже не только видели ее, но и испробовали ее возможности на своей шкуре. И главное, эта техника уже в скором времени встанет на конвейеры советских заводов. Хотя брак, нестыковки в технологиях будут иметь место в первое время. Но это уже вопросы отладки производства. Естественно, пусть с опозданием, но и партнеры по антигитлеровской коалиции (сначала через разведку у немцев) получили некоторую информацию. И уже зашевелились у нас. У НКВД и ГБ прибавилось работы. Поступили просьбы предоставить экземпляры новой техники для изучения как союзникам. Но в отличие от *той* истории, СССР был менее зависим от помощи Запада. Оружие, боеприпасы, танки и самолеты не закупались. СССР брал автотехнику, средства связи, дефицитные материалы и оборудование для заводов. Пока Сталин «кормил» Черчилля и Рузвельта завтраками, объясняя, что техника новая, экспериментальная, потому сырая, и ему стыдно показывать полуфабрикаты партнерам. Вот, отработаем технологию, и тогда... может быть... когда-нибудь... а пока отправили в качестве жеста доброй воли Т-34 первых серий и КВ-1. Тем более что из новых танков в Красной Армии в настоящее время они действительно составляют большинство.

На данный момент все усилия промышленности, кроме отработки технологий, были направлены на оснащение полным комплектом новой техники Особого корпуса РКК, а следом на очереди стояли Ударные армии. Была надежда к планируемым зимним фронтовым операциям полностью переоснастить и Корпус, и 1-ю Ударную армию.

Остальные формируемые шесть Ударных армий пока получали на вооружение то, что стояло на конвейерах. Кстати, в августе на разборе оборонительных операций Красной Армии по поводу штатов дивизий состоялся жаркий спор. Практика показала, что мощные в танковом отношении мехкорпуса Красной Армии как инструменты стратегических операций не оправдали возложенных на них надежд. Оппонентами защитников довоенных взглядов выступили Жуков и приглашенный лично Сталиным генерал-лейтенант Оганян. По их рассуждениям получалось, что перегруженный танками корпус не обладает оперативной гибкостью. Собственной гаубичной артиллерии у него нет. Поэтому если нужно взломать оборону противника, то это приходится делать броней, неся при этом неоправданные потери. Далее удержание захваченной территории тоже невозможно ввиду крайне малого количества пехоты. А обслуживание, эвакуация и ремонт такого количества техники к тому же требует огромного тыла, которого, кстати, апологеты этих монстров даже не предусмотрели. Напротив, моторизованный корпус из трех мотострелковых дивизий шестиполкового состава в своем составе имеет около 30 батальонов пехоты, 18 батальонов танков – около 600, 18 артдивизионов орудий 122-152-мм – около 300 штук, не считая минометов, 18 дивизионов зенитной артиллерии калибра 12,7-37-мм – 216 стволов. На этом же заседании было принято решение опробовать предложенную схему. Для чистоты эксперимента, чтобы не было прямого влияния потомков, решили его провести на Юго-Западном фронте. В качестве моторизованного корпуса решили взять штаб и остатки 8-го МК генерал-лейтенанта Рябышева, не меняя названия и поменяв его штатную структуру. Добавили техники, особенно пришлось напрячься в отношении автотранспорта, пополнили дивизии до нового штата. Месяц дали на подготовку личного состава,

в течение которого до рядового и командного состава твердо и целенаправленно донесли, чего от них хотят.

После чего провели частную фронтовую наступательную операцию по улучшению позиций Киевского оборонительного района. Успешную операцию. Корпус полностью выполнил поставленную задачу. Более того, сумел самостоятельно отбить контрудар 1-й Танковой группы, пытавшейся восстановить положение. На докладе Рябышев, далеко не худший комкор, хвативший горя со своим мехкорпусом жарким летом, не скрывал удовлетворения от выполнения задачи и возможностей его войск. Кстати, Рябышев понравился, и Сталин взял его на заметку. И после совещания поинтересовался его судьбой и службой в *той* истории.

Как и в любом деле, не обходилось и без сложностей. Не справлялись инженеры Кировского танкового завода с освоением технологий производства Т-55. Не получалось изготовление литой сферической башни. И потомки помочь не могли – они ведь были не производственниками, а эксплуатантами. Собрали по этому поводу совещание в Кремле – были ведущие инженеры с Кировского во главе с главным конструктором Котиным, металлурги, и от потомков был полковник, бывший замкомандира 134-го МСП по технической части. Он сидел молча и не вступал в жаркую дискуссию предков. Сталин это заметил, и, когда все в основном выговорились, он спросил, что тот думает по этому вопросу.

– Во-первых, я отвечу на критику танка Т-34-76 последней модификации, во внедрении которой пришлось поучаствовать и мне. Главный упрек в адрес этого танка, что он потеряет свои преимущества над немецкими танками с появлением на фронте ожидаемой нами «четверки» с длинноствольным 75-мм орудием. И те новшества и доработки, внесенные в его конструкцию, мало что изменили по сравнению с моделью 1940 и 1941 годов. По этому поводу расскажу случай из моей жизни. Я в училище поступил в 1951 году. И после присяги нас, семнадцатилетних первокурсников, повезли на танковый полигон. В качестве учебных танков тогда были виденные вами Т-34-85. Но! Экипажи учебных танков были сформированы из танкистов-сверхсрочников. И не просто танкистов – отбирали на эти должности только тех, кто прошел всю войну – с июня 1941 года и до Победы. И выжил! Так вот они нам тогда показали класс в использовании вверенной техники, который позволил им дожить до Победы. Вы знаете, техническая скорострельность 85-мм орудия пять выстрелов в минуту. Эти экипажи делали двенадцать! В движении! И поражали все мишени! Я понимаю: родной полигон и все такое. Но в любом случае это был высший уровень мастерства! Так вот к чему я это? Главная сила любого танка – не броня и не калибр орудия. Экипаж! Просто нужно сделать упор на качество освоения специальностей и техники экипажами. Я думаю, сейчас есть все возможности для этого.

Что касается проблемы с освоением технологии производства Т-55. Правильно было замечено, что более, чем мы уже сделали, мы помочь не можем. Однако! Есть предложение. Опять же из опыта моей службы. Первая моя лейтенантская должность в боевой части пришла на танковый полк, на вооружении которого стояли танки Т-44. Не получается Т-55 – можно и нужно делать Т-44. Он будет как промежуточная ступень в развитии танкостроения. С одной стороны, в нем очень многое от Т-34-85, то есть уже освоенное. С другой стороны, более современная ходовая часть и поперечно установленный двигатель со всеми своими особенностями. Как раз это то, что является составной частью схемы Т-55. Мне кажется, это наиболее быстрый и дешевый способ решения наших проблем именно сейчас. А Т-55 освоим позже – придет время.

И он прямо тут же набросал по памяти цифры основных параметров танка. В итоге изменили задание для КБ Кировского завода с Т-55 на Т-44. И это действительно оказалось лучшим выходом из сложного положения!

Одновременно приняли решение о прекращении производства танков серии КВ. Вместо них заводу поставили задачу выпуска самоходных установок СУ-152, крайне необходимых при проведении наступательных операций.

Все это, наряду с серьезной кадровой работой на всех уровнях командного состава Красной Армии, вплоть до дивизий, вселяло и в Сталина, и в ГШ, и в ГКО надежду этой зимой серьезно изменить военно-политическую обстановку на западе страны. Кроме того, существовала вероятность использования одного, пока еще достаточно фантастического, плана по окончанию этой войны. Сталин усмехнулся про себя: «фантастического»! А то, что он видит прямо перед собой на площади, не фантастика? Год назад он не смог бы в это поверить сам. Но, оказывается, иногда даже «несбываемое – сбывается»! «Поживем – увидим! – успокоил он себя. – Выиграли эту войну без помощи потомков – тем более выиграем и с их помощью». Но если есть хоть малейшая возможность сократить материальные и людские потери, ею нужно попытаться воспользоваться. Эх! Если б сейчас не война! Потомки столько принесли с собой полезного и нужного! Осветили весь путь на сорок лет вперед. И упускать такой шанс победить в соревновании с капитализмом он не имеет права. Поэтому работа в конструкторских бюро, научных лабораториях приравнена к фронту. Там проходит еще один невидимый фронт борьбы за будущее человечества. СССР был на пути к технологическому скачку. СССР уверенно шел к освоению мирного атома и следом к ядерному оружию. Создавалась база электронной промышленности, шло планирование размещения новых заводов в свете знаний о расположении новых месторождений полезных ископаемых и энергоресурсов. Про военные отрасли уже все сказано этим парадом. Весь мир совершенствовал поршневые авиадвигатели, а в СССР максимум через год будут иметь реактивный истребитель. Но недостаточно было быстро развиваться самим – экономика СССР уступала объединенным силам ведущих капиталистических держав. Поэтому пришлось принять некоторые меры, способные уменьшить их возможности. В газетах об этом не писалось, но в США по разным причинам скончались несколько ведущих физиков, работавших по закрытой теме. ФБР тщательно разбиралось с каждым случаем, но не нашло злого умысла в их смертях. А в СССР в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции были награждены ряд генералов и офицеров. И среди награжденных звание Героя Советского Союза было присвоено генерал-майору Судоплатову по сумме заслуг перед Советской Родиной. А еще, как докладывала Сталину разведка, какие-то неряшливые американские морские офицеры «забыли» в гостинице, где они «кувыркались» с девушками не самого тяжелого поведения, план боевой подготовки Тихоокеанского флота США на ближайшие месяцы, с указанием группировок кораблей и районов их дислокации. Плохо обстоят дела в военно-морских силах союзников с дисциплиной! Нужно бы подтянуть. И совсем нехорошо, что эти планы оказались в руках японской разведки. Нет! Никуда не годится дисциплина у американских моряков!

Сегодня, как и в той истории, пасмурный осенний день. Утром шел снег. Низкая облачность не позволила участвовать в параде авиации. Хотя, может, оно и к лучшему – незачем так много и так сразу нынешним союзникам узнавать. Тут Сталин вспомнил о бывших генералах ВВС, сидевших в лагере под Куйбышевым. И тут изменения. Они живы. И более того – они воюют. Родина дала им шанс искупить вину кровью. Нет, не в штрафбате, которых и нет еще, и, возможно, не появятся они в этой истории. Они летчики, и в небе могут принести пользы больше. Но не генералы. Они начали свою новую жизнь с «чистого листа» – рядовыми. Точнее, сержантами. Но, наверно, вернуть свои довоенные звания они не успеют. Сталин надеялся, что сумеет победить быстрее. Но вслед за победой вставала задача еще более трудная. Как эту победу не отдать в руки тех, кто придет за ним следом и начнет ломать то, что он строил? Поэтому все три особиста из будущего один за другим оказались в команде начальника его личной охраны Власика. Он им верил. Потому что у них тут не было слабых мест.

8 ноября 1941 года.

Москва. Кремль

За столом лицом друг к другу сидели неожиданно вызванный Верховным Берия и начальник ГРУ ГШ генерал Голиков вместе с недавно назначенным на должность начальника ГШ генералом Василевским. Перед каждым из них лежала закрытая папка. Открывать их никто не спешил. Все ждали команды.

Если Берия и, с недавних пор, Василевский были частыми гостями в этом кабинете, то Филипп Иванович – наоборот. Особенно это стало заметно с началом войны. Оказалось, что он излишне перестраховывался, давал неверную интерпретацию сообщениям агентуры о подготовке фашистской Германии к войне. Ну кто ж тогда мог предполагать, что Гитлер будет столь нелогичен и столь самонадеян? Правда, серьезных оргвыводов по отношению к нему Верховный не сделал. Пожурил, сказал, что кадрам нужно больше доверять. Или поменять работу, если сам набираешь кадры, которым верить нельзя. Но с должности не снял, хотя Голиков этого со страхом ждал. Позже ему по должности пришлось познакомиться с материалами, привезенными потомками. В той истории ему меньше повезло. Но здесь успехи Красной Армии, достигнутые в первую очередь с косвенной и прямой помощью потомков, позволили избежать катастрофы, и Верховный был снисходителен. Тот же Павлов жив-здоров, воюет в силу способностей. И все же Филипп Иванович внутренне опасался вот таких неожиданных вызовов к Сталину. Еще идя сюда, лихорадочно перебирал в памяти основные события последних дней в поисках оплошности. Однако Сталин был приветлив, поздоровался с каждым за руку и предложил занять места за столом. Сам, как обычно, начал свое бесконечное хождение по дорожке кабинета.

– Товарищ Голиков! – начал он именно с Филиппа Ивановича. – Я внимательно просмотрел вашу аналитическую записку о Квантунской армии и вообще по ситуации в Китае. Но! Я обращаюсь ко всем присутствующим. Как вы все знаете из материалов потомков, японцы так и не рискнули напасть на СССР в той истории. Наша победа на Халхин-Голе оказалась очень действенной прививкой от необдуманных поступков. Однако это было в *той* истории. Но Красная Армия и советский народ, как говорится, не ждут милостей не только от природы, но и от истории – они ее творят. Поэтому нам нужно думать не только о сегодняшнем дне. Более того, с учетом наших сегодняшних знаний даже не о завтрашнем. Нам нужно уже сейчас думать о послезавтрашнем. Я говорю о перспективе ближайших десятилетий.

Зная основные направления развития послевоенного мира и фамилии тех, кто будет определять мировую политику в будущем, нам нужно уже сейчас начать работу с этими людьми и странами. Как союзными нам, так и враждебными. Я знаю, что ряд шагов ведомствами Лаврентия Павловича и Филиппа Ивановича уже сделаны. Однако положение на советско-германском фронте и вообще развитие ситуации дает нам возможность усилить свои позиции на тайных фронтах.

Вы правильно понимаете: речь пойдет о Китае. Мы не воюем с японцами, но мы ничего не забыли: ни Порт-Артура, ни Цусимы, ни Сахалина и Курил. И если мы не воюем сейчас, то мы точно знаем, что будем воевать завтра. Если мы не воюем, вовсе не значит, что против японцев не могут воевать те же китайцы. Тем более что они уже и так давно воюют. Да! Мы помогали и помогаем китайским товарищам в их справедливой борьбе. Но, как я уже сказал, успехи Красной Армии позволяют нам делать больше. Значительно больше.

Лаврентий Павлович! Вашим людям нужно установить более тесные отношения с товарищем Мао-Цзэдуном и его окружением. Развитие этих отношений становится приоритетным для нас на этом направлении. Оказывать ему помощь в их внутрипартийной борьбе. Филиппу Ивановичу, опираясь на местные кадры из группы товарища Мао, усилить работу в тылу Квантунской армии. Это, так сказать, тайная работа.

На данный момент идет активное перевооружение Красной Армии и ее военно-воздушных сил. Все вчера смогли убедиться в этом на параде. И уже сейчас у нас встает вопрос: что делать со старым оружием? Отправлять в переплавку или?.. На мой взгляд, для нас предпочтительнее «или».

Товарищу Мао мы сегодня можем предложить танки, бронемашины, самолеты, винтовки и орудия. От них требуются люди, которых мы сможем обучить пользоваться этим оружием. Сколько и чего у нас есть и будет в недалеком будущем, вы можете посмотреть в папках, лежащих перед вами. Товарищ Василевский, определитесь с будущим местом подготовки китайских товарищей и фамилиями тех, кто будет руководить и обучать их. А теперь я готов выслушать ваши мысли по данному вопросу.

7 декабря 1941 года.

Берлин

Гитлер смотрел хронику. Советскую хронику. Смотрел он ее уже во второй раз. Первый раз смотрел в одиночестве. Сейчас вместе с ним в зале сидели руководители вермахта, СД, СС, абвера и представители военно-промышленного комплекса Рейха вместе со своими конструкторами. Эта лента добиралась до Берлина месяц. Еще в середине ноября германское руководство получило снимки с этого парада, сделанные одним из журналистов, двойным агентом СД. На экране по заснеженной Красной площади пронеслись новейшие русские танки, бронетранспортеры, САУ, их знаменитые «катюши». Русские не показали всего, что у них есть. Однако и то, что он видел, вызывало у Гитлера головную боль. Приступ мигрени овладевал им каждый раз, когда он начинал думать о том, что, оказывается, русские превзошли германский гений, они сделали то, о чем немецкие инженеры еще только начинали мечтать. Головные боли заставили фюрера принимать болеутоляющее. Но поводов для головной боли становилось все больше и больше, и все чаще и чаще он приходил в неистовство, сжимая до боли кулаки от осознания, что *ничего* сделать не может.

Да! Не вся Красная Армия была вооружена такой техникой. Пока не вся! Но она начинала появляться все на новых и новых участках фронта, сразу же переломляя положение в пользу Советов. Да! Немцы научились бороться с танками КВ и Т-34. Но их становилось столько, что никакая противотанковая оборона не выдерживала. То, что фронт стоит без движения, говорило о том, что русские просто готовятся к оглушительно-сокрушающему наступлению, а не о том, что она непреодолима. Да! Уже проходят испытания новые совершеннейшие немецкие танки Т-5 и Т-6. Но уже на практике доказано, что 8,8-, а тем более 7,5-см пушки, установленные на них, могут поразить «русских монстров» всего лишь с вероятностью погрешности. А десятисантиметровая русская пушка не оставляла даже «Тигру» шансов с двухкилометровой дистанции. Да! Немцы разработали кумулятивные снаряды и ручное реактивное противотанковое оружие. Но дальность выстрела последнего не оставляла стрелку шансов на повторный выстрел. А у русских подобные модели стреляли по танкам с дальности, когда экипаж еще и стрелка не видел. С авиацией вообще плохо. В то время как русские реактивные самолеты, как веником паутину, согнали с неба люфтваффе, немецкие прототипы столь же отставали от них, как голубь из листка школьной тетради от реального самолета. И когда фюрер сделал заключение, что хуже уже и быть не может, оказалось – может! Еще как может! Адмирал Дениц доложил, что на вооружении русских подлодок появились самонаводящиеся торпеды, способные бороться против подводных лодок в подводном положении. И добавил, что русские надводные корабли значительно усилены системами ПВО и на них установлены радары, с помощью которых они способны вести прицельный огонь на предельных дальностях орудий. Истерика, случившаяся с Гитлером после этого, закончилась обмороком.

И сейчас он надеялся, просто надеялся, что эта хроника хоть в чем-то поможет сидящим позади него конструкторам и инженерам.

Нельзя сказать, что они ничего не делали. Немецкая промышленность вслед за русской переходила на промежуточный патрон. Правда, автоматического оружия под него еще не было, а копировать русский автомат Калашникова фюрер запретил – сделать это значило расписаться в беспомощности немецкой нации и признать безоговорочно победу варваров. Ввиду все более масштабного перевооружения Красной Армии в качестве трофеев все чаще стали попадать образцы оружия, которое в начале войны русские никогда не оставляли на поле боя. Автоматический гранатомет, единый пулемет, снайперская винтовка – просто шедевр с точки зрения немецких конструкторов. Но вот ни своих уникальных танков, ни самолетов русские не оставляли. Хотя, надо признаться, поразить этих «монстров» и «дьяволов» германским солдатам было нечем.

Гитлер знал, из-за кого у него болит голова. Она болела из-за шефа военной разведки и контрразведки абвера Канариса. Именно его структура не смогла вскрыть подготовку Советов к войне, именно она не отследила новинки военной промышленности русских, его люди раз за разом проваливали все операции по добыче образцов русского оружия. И когда Гейдрих положил на стол сведения о том, что Канарис не просто англофил, но и поддерживает связь с английской разведкой, его участь была решена.

В этот же день пришло сообщение о нападении Микадо на Тихоокеанский флот США. Успех был предопределен неожиданностью – янки потеряли в Перл-Харборе шесть из восьми линкоров, кроме того, японцы сумели перехватить и уничтожить два из трех авианосцев – «Энтерпрайз» и «Лексингтон», получив таким образом явное преимущество над противниками.

21 декабря 1941 года.

Район Минска

Оганян вошел в кабинет командующего Западным фронтом дважды Героя Советского Союза генерала армии Жукова и, вскинув руку к козырьку фуражки, начал докладывать о прибытии 1-й УА в распоряжение фронта, но Жуков махнул рукой, прерывая его, и с улыбкой заключил в объятия. Это было редким жестом у генерала, имевшего крутой нрав и нелестную оценку со стороны обиженных им. В данном случае Жуков ничуть не притворился. Он действительно был рад и прибытию в состав его фронта лучшего на тот момент оперативно-стратегического объединения Красной Армии, и то, что командует им именно Иосиф Бакратович.

Первое значило то, что Красная Армия брала инициативу в свои руки после в целом успешных оборонительных операций лета 41-го года. И еще это значило, что именно Западный фронт станет участником стратегической операции. И третье – у него был весьма положительный опыт взаимодействия лично с Оганяном.

Посему Жуков предложил отметить это дело праздничным ужином, пригласив Оганяна и его начштаба полковника Тимохина. Со стороны штаба фронта должен был быть сам Жуков, начштаба фронта генерал-лейтенант Соколовский, заместитель командующего фронтом генерал армии Павлов. Заодно можно было обсудить и предстоящую операцию.

Оганян понял идею сразу и только попросил завтра организовать выезд его с начальником штаба и комкорами в полосу будущего наступления для проведения рекогносцировки. Полное сосредоточение армии было намечено на 20 декабря. Дивизии корпусов комбинированным маршем уже прибывали в районы сосредоточения. Но первыми на место выдвинулись штабы армии, корпусов и дивизий. Вчерне на карте отработанный план наступления требовал привязки к конкретной местности.

Скрыть от противника прибытие Ударной армии было невозможно, хотя для этого были предприняты все необходимые меры. Но именно на этом и строился расчет операции. За «шумом», поднятым этой армией, пропал из виду Особый корпус РГК, усиленный артиллерийской дивизией прорыва.

Немцы не сидели сложа руки эти четыре месяца. Группы армий «Центр» и «Север» лихо-радочно закапывались все эти дни, промышленность Германии после огромных потерь в технике была переведена на военные рельсы, и сейчас на Восток шли эшелоны с новыми танками, пушками, бронетранспортерами и самолетами. Причем шла техника, качественно отличающаяся от той, на которой они войну начали. Основным танком стал Т-IV с длинноствольным 75-мм орудием, уравнивавшим шансы в борьбе с советскими «тридцатьчетверками». Но оружия, способного гарантированно поражать Т-55 и Т-72, немцы пока не придумали. Еще хуже дела у них были с авиацией. Ничего более, нежели выпустить очередную модификацию поршневого «Мессершмитта», наука и промышленность Германии сделать не смогли. К тому же в июньских боях люфтваффе потеряли более половины своих летчиков-ветеранов, и заменить их быстро было невозможно. Поэтому была резко усилена войсковая ПВО, появились первые экземпляры пока еще примитивных и ненадежных локаторов.

Единственная группа, попытавшаяся в эти полтора месяца провести наступательную операцию, была Группа армий «Юг». Немцы сумели переправиться и захватить плацдарм на восточном берегу Днепра и даже нарастить силы на нем до дивизии, но Тимошенко, сконцентрировав через неделю тяжелую артиллерию, подтянув три мехкорпуса и бросив на десант всю фронтовую авиацию, уничтожил его за неделю непрерывных боев. Попытка немцев оказать существенную помощь войскам в боях за тет-де-пон авиацией вылилась в воздушное сражение, в котором советские истребители сумели обеспечить возможность работать по целям на плацдарме своим бомбардировщикам и штурмовикам. И здесь потери люфтваффе были значительны и особенно среди летного состава, погибшего или попавшего в плен. На этом и у Группы наступательный потенциал иссяк окончательно.

И вот сейчас инициатива полностью перешла в руки советского командования.

Теперь уже Генеральный штаб и сам Верховный с интересом читали мемуары и описание операций второй половины *той* войны. И конкретно – операцию «Багратион», которая географически имела схожесть с нынешним положением на Западном фронте. Но в этом времени операции решили дать название «Шторм». Именно для проведения этой операции Северо-Западный фронт был разделен на два фронта: Прибалтийский – с полосой от побережья Балтийского моря и до Чудского озера под командованием генерал-полковника Кузнецова; и собственно сам Северо-Западный фронт под командованием генерала армии Апанасенко – с полосой от Чудского озера и почти до Витебска. Эти два фронта также получили пополнение в виде нескольких свежесформированных армий из тыловых военных округов. И опять же – за шумом прибывающих армий тихо и незаметно в лесных массивах на берегу Чудского озера севернее Пскова «растворился» 1-й Гвардейский Особый корпус РКК.

22 декабря на Западный, Прибалтийский и Юго-Западный фронты прибыли три полка, по 40 самолетов в каждом, реактивной авиации 1-й Гвардейской авиадивизии Особого корпуса РКК. 3 января началась воздушная фаза операции «Шторм».

Два полка реактивных МиГов, поддержанные авиадивизиями поршневого авиации, прекратили всяческое движение на дорогах Белоруссии и Прибалтики. Наносились удары по складам, штабам, узлам связи и транспортным узлам, портам, включая Кенигсберг. Причем советские ВВС активно использовали уже изготовленные в этом времени ОДАБы, напалм и касетные боеприпасы. И это продолжалось ровно неделю.

10 января 1942 года.

Западный фронт

В 7:57 утра первый луч солнца скользнул по вершинам деревьев. Стояла оглушительная тишина. Жуков взглянул на часы и поймал себя на мысли, что это уже все было.

«Действительно, – вспомнил он, – 3 июля, под Борисовым, начало операции “Ночная гроза”. Только в 5:57 я посмотрел тогда на часы».

Он усмехнулся: «Хорошее предзнаменование! Та операция сложилась крайне удачно для нас. Значит, продолжим так же».

Рядом с ним на передовом КП фронта стояли все, кто мог понадобиться в начальной фазе наступления. Среди них был и Павлов. На последнем совещании по наступлению он выразил опасения по возможности войсками фронта прорыва первой и второй линий обороны противника в течение первых суток, аргументируя тем, что немцы усиленно готовились эти месяцы, и к тому же вряд ли удалось скрыть прибытие Ударной армии на их фронт. Павлов не был посвящен в историю с потомками. Несколько раз пытался расспрашивать, в том числе Жукова, относительно частей с новой техникой и о том же Оганяне, удивлялся, откуда появился этот генерал. Пришлось попросить начальника Особого отдела фронта деликатно посоветовать Павлову умерить свой интерес к этим темам. Так вот, он просто еще не знал поговорки потомков, что при плотности в двести орудийных стволов на километр фронта о противнике не спрашивают.

Жуков имел возможность читать послевоенные труды и использовать эти знания. Он сумел собрать на пятнадцатикилометровом участке прорыва по 250 орудий калибром от 76 мм и установок РСЗО. Используя, конечно, и артиллерию 1-й Ударной армии. И сейчас ему оставалось лишь ждать результата этих подготовительных мероприятий.

В 8:00 воздух содрогнулся. Через минуту передний край противника, плохо еще видимый в утреннем свете, исчез в дыму и снежной пыли, поднятых сотнями разрывов.

Через пять минут Жуков повернулся к сопровождающим и сказал: «Ну что? Дело начато. Пойдемте завтракать. Результат посмотрим в 9:30».

Через полтора часа огонь артиллерии переместился на вторую полосу немецкой обороны, а в сторону их бывшего переднего края двинулись танковые дивизии мехкорпусов Западного фронта. По ним никто не стрелял.

Еще через час артиллерия перешла к контрбатареинной борьбе и подавлению узлов сопротивления по заявкам передовых отрядов, достигших второй линии обороны. Здесь немцы, как вид живых *хомо сапиенс*, еще присутствовали.

В 15 часов колонны корпусов 1-й Ударной армии были введены в чистый прорыв и устремились на оперативный простор тыла Группы армий «Центр» направлением на Кенигсберг. А 16-я и 19-я Армии Западного фронта принялись свертывать немецкую оборону на юг и на север от места прорыва. С фронта их поддерживали сковывающими ударами 20-я, 24-я и 28-я Армии, не давая возможности немцам выделять из состава своих войск резервы и перебрасывать их к месту прорыва.

12 января немцы нанесли контрудар по правому флангу наступающих силами 4-й Танковой группы.

Как только в Ставку пришло сообщение о вводе в сражение немцами 4-й Танковой группы Гепнера, немедленно был отдан приказ на начало наступления Северо-Западному фронту. 13 января Северо-Западный фронт перешел в наступление. За первые сутки была взломана первая оборонительная линия, и войска уперлись во вторую линию, потеряв темп. И в этот же день по льду на западный берег Чудского озера был переброшен и за сутки совершил марш в район Риги 1-й Гвардейский ОК РКК.

14 января ночью после двухчасовой артподготовки, в которой принимала участие и артиллерийская дивизия прорыва РКК генерала Морозова, корпус атаковал противника и прорвал фронт южнее Риги, двигаясь направлением на юг. За ним двинулись в прорыв мехкорпуса Прибалтийского фронта. Краснознаменный Балтийский флот в отсутствие противодействия со стороны люфтваффе блокировал побережье и порты Лиепаи, Клайпеды, Кенигсберга. В Клайпеду высаживалась дивизия морской пехоты КБФ.

Три советских фронта резали две немецкие группы на три неравные части.

12 января 1942 года.

Рейхсканцелярия

Русские начали наступление. После жестоких поражений в Белоруссии оно было ожидаемо. К нему готовились. Вопрос лишь в том, *где и когда* они ударят. С конца июля Германия лихорадочно пыталась восстановить утраченный потенциал. Экономика была переведена на «военные рельсы»: был увеличен рабочий день на заводах и фабриках, проведена очередная мобилизация. Вместо убывших по мобилизации на фронт немцев было принято решение использовать труд военнопленных и граждан из подчиненных рейхстагу протекторатов и генерал-губернаторств.

Военная промышленность меняла приоритеты. С производства сняли Т-2. Т-3 срочно перевооружался на 5-см длинноствольную пушку, хотя уже было понятно, что и эта пушка устарела. На танки Т-4 устанавливали длинноствольное 7,5-см орудие, способное бороться с русскими танками Т-34 и КВ. Противотанковая оборона насыщалась самоходными орудиями калибра от 88 мм и более.

Хуже всего было дело с авиацией: прототипы реактивных самолетов, имеющиеся в немецких КБ, были еще далеки от возможности их практического применения. Поэтому модернизировали, как могли, поршневую авиацию, одновременно пытаясь восполнить потери в технике и людях и усиливая войсковую ПВО.

Неплохо сработала разведка. Она своевременно вскрыла прибытие в состав Западного фронта русских Ударной армии, состоящей из мехкорпусов, доставивших так много неприятностей вермахту полгода назад. И одновременно с этим против групп армий «Север», «Центр» и «Юг» в небе появились «быстрые дьяволы». Прогноз, что их будет только больше, оправдался. Но именно прибытие новой – как ее называли – «Ударной» армии указывало направление приложения основных усилий русских. Поэтому резервы направлялись и располагались в тылу Группы армий «Центр».

Докладывал Гальдер.

– После мощнейшей артподготовки – по нашим расчетам, не менее чем двести орудий на погонный километр фронта, длившейся семь часов – 1-я Ударная армия противника перешла в наступление на пятнадцатикилометровом участке фронта Группы армий «Центр» направлением Першай – Юратишки. К сожалению, плотность артогня русских не оставила шансов немецким частям первой и второй линий обороны. Поэтому главным препятствием на пути продвижения русских корпусов была только болотистая местность. Таким образом, уже к вечеру первого дня наступления русские вышли на Гродненское шоссе на участке Першай – Ивье и устремились вдоль него в тылы Группы. Введенные вслед за этой армией мехкорпуса фронта Жукова развернулись на юг и на север, атакуя порядки дивизий Группы во фланг и тыл. Все это сопровождалось атаками русских по всему фронту не только Группы армий «Центр», но и «Север». С утра 12 января дивизии Лидского укрепленного района ведут оборонительный бой с подходящими корпусами русской армии. Их разведподразделения отмечены южнее и севернее Лиды. В 12 часов по берлинскому времени с рубежа Трабы – Вишнево силами 4-й Танковой группы нанесен контрудар во фланг наступающей армии большевиков. К сожалению, прибытие на фронт «быстрых дьяволов» оставило наши войска без воздушной поддержки. Тем не менее нанесенный удар с севера на юг в данный момент развивается успешно, и есть серьезные предпосылки нанести поражение русским на этом участке фронта.

15 января 1942 года. 22 часа.

Пересечение шоссе Рига – Кенигсберг и Мемель – Каунас

Корпус остановился на четырехчасовой привал. Это был первый большой привал за двое суток. За двое суток 1-й Гвардейский Отдельный корпус, прорвав ночью с 14 на 15 января оборону под Ригой и обогнув западнее Шяуляй, сумел пройти безостановочно примерно 150 километров по тылам Группы армий «Север». Корпус готовился к таким маршам заранее.

Перед началом операции заменили двигатели на всей технике, на которой это было возможно сделать. Во всех экипажах танков, САУ, тягачах и автомобилях были подготовлены запасные механики-водители и водители. Требования к ним были минимальные – они должны были уметь управлять техникой на марше, давая возможность отдохнуть основному механику или водителю. Именно запасные совершили марш от Чудского озера до Риги. Прорыв и обход Елгавы и Шяуляя выполняли основные экипажи. После выхода дивизий корпуса на шоссе Рига – Кенигсберг снова произошла смена.

Двигались безостановочно по самому шоссе и параллельным дорогам. Попытки мелких тыловых гарнизонов препятствовать движению пресекались передовыми отрядами и дозорами. Да и попыток таких были единицы. Едва завидев приближающуюся к деревне или городку длинную колонну советской техники, гарнизоны разбежались и лишь иногда осмеливались обстреливать советских солдат из стрелкового оружия из лесных массивов.

Такой марш был бы невозможен без мощной воздушной разведки и поддержки. Разведка ВВС и установила, что на перекрестке двух трасс в тылу Группы армий «Север» немцы лихо-радочно оборудуют оборонительные позиции, собирая все, что можно, по тылам, начиная от строевых частей и заканчивая добровольцами из латышей и литовцев. Летчики нанесли бомбоштурмовой удар по позициям немцев с применением ОДАБов и напалма, но точку в этом деле пришлось ставить танкистам Особого корпуса.

Экипаж спал. Старший лейтенант Смирнов только что обошел машины своей роты, проверив бодрствующую смену, и устроился на своем месте в танке. Впереди было еще полчаса его дежурства, после чего его сменит командир второго взвода, и он сможет пару часов прикорнуть. Организм еще не отошел от двухсуточного марша на танке, голова гудела от грохота дизеля и гусениц. Но молодость и чувство ответственности пока поддерживали силы комроты. В первый день он еще успел перехватить пару часов сна во время марша – хотя сон внутри грохочущей коробки – это еще то удовольствие. Еще пару часов удалось поспать вчера. Правда, перед началом операции разрешили спать весь день. Но для комроты этот день ушел на проверку готовности к бою и маршу. Все старались дать поспать механикам и водителям. Танки стали напоминать сараи на гусеницах. Но командование не препятствовало этому. Уверенность в силах воздушного прикрытия и разведки давала возможность в случае встречи с врагом подготовиться к бою заблаговременно. Поэтому каждая «тридцатьчетверка» имела двойной боекомплект, плюс к броне были принаитованы еще с десятков ящиков со снарядами и десятком с патронами. Кроме этого, там же располагалось стрелковое отделение, бойцы которого были не менее запасливы.

Были опасения за ночной бой в таком виде, но командир корпуса генерал-майор Гольцев в первую линию поставил технику с приборами ночного видения, которые и взломали немецкую оборону. Немцы явно не ожидали такой «гадости» от русских – ведь еще вчера ничто не предвещало подобного развития событий на этом участке фронта – и не сумели организовать своевременный контрудар. Следовавшие за ними «тридцатьчетверки» обошлись в этой атаке почти без стрельбы. А вот корпусам Прибалтийского фронта, устремившимся вслед за дивизиями Особого корпуса РГК, днем пришлось биться с опоздавшими немецкими резервами. На десятиминутных привалах позади колонн слышались звуки ожесточенного сражения.

Четыре дивизии Особого корпуса, опережая отступающих немцев, рвались на юг по дорогам Латвии.

Поздним утром второго дня марша корпус выскочил на шоссе Рига – Кенигсберг южнее Шяуляя и, вытянувшись длинной ниткой, окруженный походными заставами и дозорами, устремился вперед. Иногда от колонны на помощь боковым заставам уходили мотострелковые, танковые роты и артиллерийские батареи. Задержав противника в стороне от колонны, они затем отрывались от него и устремлялись вдогонку за частями корпуса.

Корпус, не останавливаясь, проходил через деревни, села и маленькие городки Латвии, вызывая радость у одних, растерянность и ужас у других. Кое-где на окнах появлялись красные полотнища, на других – белые. В одном городке Сергей на обочине увидел примерно взвод немцев с белыми лицами и поднятыми руками. Они стояли, видно, уже давно; форма и лица были покрыты гарью от проезжавшей боевой техники. Перед ними на снегу лежал убитый немецкий офицер. Оружие у них отобрали, а самих расстреливать не стали. Брать же их было некуда. И они так и стояли на обочине, глядя на эти проносающиеся мимо них облепленные пехотой боевые машины, и боялись опустить руки.

И только на этом перекрестке немцы смогли что-то собрать и попытались – нет, не остановить, они прекрасно понимали, что сводная группа остановить эту лавину не сможет – хотя бы просто замедлить. Километров за тридцать до перекрестка дивизии корпуса разделились на четыре колонны. На шоссе осталась 1-я Гвардейская ОМСД РГК.

Километров за пять до немецких позиций колонна остановилась и в течение получаса освободилась от скарба. Там же на позиции встала артиллерия.

Еще через полтора часа после тридцатиминутной артподготовки немецкие позиции были атакованы с трех направлений, а в тыл им заходила «Пролетарка».

Это был первый бой экипажей Т-34-85. Смирнов старался не отвлекаться от управления ротой на ведение стрельбы, доверив ее своему башнеру сержанту Мерзлякову. Наводчик вошел в азарт, посылая снаряд за снарядом по видимым ему целям. Гулко била восьмидесятипяти-миллиметровка, вентилятор не успевал отсасывать из внутренностей танка пороховой дым, и старший лейтенант вынужден был сделать замечание по поводу экономии боеприпасов. К тому же целями их орудий были в основном пулеметные гнезда и группы пехоты, с которыми вполне справлялись бронетранспортеры и Т-34-76, у которых боезапас был побольше, чем у них.

Пару раз попали и по ним из противотанковой пушки. После боя экипаж с интересом рассматривал следы от рикошетов на лобовой броне и на башне. Сошлись во мнении, что это была противотанковая пятидесятимиллиметровка. Каждый не скупясь поблагодарил машину за ее мощь и броню. Они все начинали войну на Т-26 и БТ и прекрасно осознавали, чем это грозило на тех танках.

Оставив прикрытие на захваченных позициях, танки и бронемшины вернулись за оставленным обозом, дозаправились, пополнили боекомплект и готовы были к продолжению марша.

15 января 1942 года. 23 часа.

Пересечение шоссе Рига – Кенигсберг и Мемель – Каунас

Когда дивизии корпуса завязали бой за узел дорог с окопавшимися резервами Группы армий «Север», разведбат корпуса, огибая с запада сражение по широкой дуге, рванул в сторону Тильзита, до которого по прямой оставалось менее семидесяти километров. Этот небольшой городок, уже отметившийся в истории девятнадцатого века, снова стал одним из ключевых пунктов советского наступления зимы 1942 года.

Город располагался на южном берегу Немана, и в его черте через реку было два моста – шоссе и железнодорожный. Вот они и были основной целью разведбата. Было крайне важно захватить их в целостности и сохранности. Поэтому к операции по захвату мостов привлекли 743-й воздушно-десантный батальон. Хотя от батальона осталось только название и костяк командного состава, а личный состав весь был новичками, отобранными в воздушно-десантных бригадах Красной Армии, тем не менее пять месяцев интенсивной боевой учебы позволили батальону снова встать в строй и получить столь ответственное задание.

Так вот, роты воздушно-десантного батальона, высаженные трое суток назад в пятидесяти километрах от Тильзита, должны были захватить мосты для дивизий Особого корпуса. И они это сделали, несмотря на усиление охраны мостов и всего гарнизона города.

И сейчас за мосты шел тяжелый и кровопролитный бой – немцы, зная о приближении советских войск, старались вернуть под свой контроль мосты или хотя бы разрушить их. Первое им не позволяли десантники, а второе немцы не могли сделать ввиду отсутствия в гарнизоне гаубичной артиллерии.

Володя Шупейкин по окончании пяти месяцев учебы на полигоне попал во вторую роту разведбата. Первая рота «воевала» на БМП-1, третья – на БТР-70 и была резервной, а их роте достались десять БМД-1 десантников. И сейчас он, расположившись на броне, внимательно всматривался в придорожные кусты и бурьян. Нравилась ему эта машина! В принципе, вся техника батальона была просто высший класс: и плавающие танки, и угловатые БМП, и здоровенные бронетранспортеры, но БМД нравились больше, хотя объяснить он это не мог. Может, просто потому, что больше ни в одном подразделении Красной Армии таких не было.

Сейчас батальон, подсвечивая путь узкими лучами фар со светомаскировкой, двигался проселками в темноте зимней ночи в сторону Тильзита. Как до них довел командир роты, десантники 743-го ВДБ захватили в этом – первом немецком городе!!! – переправы и держали их в ожидании подхода корпуса. Поэтому командир корпуса и отправил их батальон им на помощь.

Три часа бешеной езды по проселочным дорогам – и роты разошлись веером по направлениям задач каждой из них. Вторая рота ушла влево – ее задачей было переправиться через Неман выше по течению города и атаковать его с востока. Первая делала то же самое, но с запада. Третья рота – как самая резвая – должна была обогнуть город и ударить с юга. С севера прорваться к переправам и помочь десанникам должна была рота ПТ.

Всем было ясно: атаковать и взять город силами батальона – самоубийство. Но вся надежда была на неожиданность и приборы ночного видения. К тому же через несколько часов корпус будет тут.

Когда обходили город по дуге с севера на восток, было видно, что в районе мостов через реку идет бой.

16 января 1942 года.

Штаб Западного фронта

Жуков бросил карандаш на карту, расстеленную на столе, и нервно заходил по комнате. Так хорошо начавшаяся операция не получила продолжения. Первая Ударная армия таранным ударом пробилла коридор до Лиды и уперлась в заранее подготовленный немцами Лидский укрепленный район. Город армия возьмет, но вот дальше... И дело ведь не в ней, не в 1-й Ударной. Дело в его армиях, его фронте. Прорыв 1-й Ударной его армии смогли расширить до высот на севере по линии Крево – Гольшаны и на юге до района Новогрудка. А дальше немцы уперлись, закрепившись на командных высотах, и сдвинуть их с места не получалось. Командиры дивизий армий, прибывших из внутренних округов, в большинстве своем оказались запасниками, имевшими в лучшем случае опыт Гражданской войны, а чаще не имевшими его и вовсе. Дивизии 3-й, 4-й и 10-й Армий еще переформировывались и находились во втором эшелоне.

Предположение о слабости немцев после первых поражений их танковых групп и одновременно о равнозначности замены дивизий Западного фронта, уже имевших боевой опыт, дивизиями из внутренних округов оказалось ошибочным.

Всю эту неделю Жуков вынужден был заниматься подбором командных кадров новых дивизий и корпусов. В одном случае дошло до того, что ему пришлось своим приказом на дивизию, действующую на главном направлении, перебрав весь командный состав, поставить командира батальона – майора. И что характерно – дивизия стала выполнять задачи дня.

Кроме того, оказалось, что большинство кадров пополнения не умеет организовывать общевойсковой бой совместно с танковыми частями. Из-за этого танкисты несут большие и неоправданные потери.

Немцы же, в свою очередь, нанесли контрудар с севера на юг, направленный на коммуникации продвинувшейся вглубь их обороны 1-й Ударной армии. И здесь тоже все пошло не по плану. Удар этот предполагался, но считалось возможным локализовать его силами фронта, не отвлекая от основной задачи корпуса 1-й Ударной армии. И в этом случае произошла недооценка ударной мощи немцев и переоценка устойчивости обороны фронта. Немцы заметно продвинулись вперед в первый же день, и фронтовые резервы, переброшенные на это направление, смогли лишь замедлить их движение, но не остановить. Помощь авиации была существенна, но немцы уже приспособились к господству советской авиации – передвигались только ночью, тщательно маскировались и насытили свои наземные части средствами ПВО. Поэтому авиация уже не наносила критических потерь немцам.

Расчет на прорыв немецкой обороны силами Прибалтийского фронта также оправдался лишь частично. Согласно последним данным, 1-й Особый Гвардейский корпус прорвал оборону противника и в ходе стремительного марша вышел на границу с Пруссией, взяв штурмом первый немецкий город в этой войне – Тильзит. Однако немцы нашли силы и средства, отрезав корпус от менее подвижных фронтовых мехкорпусов, остановить их под Шяуляем и восстановить линию обороны. И нашли они эти силы, помимо 4-й Танковой группы, не ослабляя оборону в Белоруссии. А именно на этом строился расчет наступления – «раздергать» этот мобильный немецкий резерв. Это было очередной ошибкой, но уже стратегического характера.

Таким образом, Западный и Прибалтийский фронты сумели вбить клинья в оборону немцев, заставили отступить их на ряде направлений, но это не привело к распаду обороны в целом.

Жуков сел писать приказ по фронту, сделав пометку в своем блокноте о необходимости сегодня же поговорить с Оганяном. В этот же день в войска поступил приказ командующего фронтом генерала армии Жукова.

Приказ

командующего войсками Западного фронта № 055 о недостатках в использовании танков и мерах по их устранению

16 января 1942 г.

СЕКРЕТНО

**ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ ЗАПАДНОГО ФРОНТА
№ 055
16 января 1942 г.**

На опыте боев в районе западнее Минска мною установлена недопустимая безграмотность использования в бою танков и танковых частей, которые в результате неправильного применения несли большие потери в живой силе и материальной части.

Командиры соединений не давали времени на проведение танковой разведки и на организацию взаимодействия танков, пехоты, артиллерии и авиации.

Взаимодействие организовывалось не на местности, а вдали от поля боя, на картах.

Танки бросались в атаку, не имея никаких данных о расположении системы огня противника и характере местности.

Командиры частей и общевойсковых соединений ставили танкам неясные и сомнительные задачи, не организовывалась авиационная, пехотная и артиллерийская поддержка танков. Не организовывалось взаимное опознавание, вызов огня и целеуказание. Были случаи поражения танков своей же артиллерией из-за неувязки артиллерийского огня.

При движении танков вперед пехота, как правило, не продвигалась за танками и не закрепляла захваченные танками рубежи. Танки, действуя в одиночестве, несли напрасные потери и возвращались в исходное положение.

Танковые командиры не проявляли нужной твердости перед общевойсковыми командирами в деле правильного применения танков; беспечно выпускали из своих рук руководство танковыми группами поддержки пехоты; не организовывали эвакуацию подбитых, застрявших танков с поля боя; не принимали мер к немедленной отправке танков на сборные пункты аварийных машин для их ремонта и быстрого ввода в строй.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Запретить вводить танки в бой без тщательной разведки системы огня противника, местности и без увязки на поле боя взаимодействия командира танкового взвода или роты с командирами стрелкового батальона и артиллерийского дивизиона или батареи.

2. Запретить вводить танки в бой без тщательной отработки взаимного опознавания, без установления сигналов вызова и прекращения огня.

3. Строжайше предупреждать перед каждой атакой всех бойцов, младших и средних командиров о недопустимости отставания от танков во время атаки, следствием чего обычно является срыв наступления и большие потери.

4. Не допускать подчинения танков командирам стрелковых рот, и, как правило, танки подчинять командирам стрелковых батальонов и полков, действующих на главных направлениях.

5. Командующим армиями заранее ставить задачи начальникам автобронетанковых войск армии по материальному обеспечению танков эвакуационными и ремонтными средствами.

6. Командирам танковых соединений и частей резко повысить ответственность командиров танковых частей и подразделений за каждый потерянный танк, тем более не допускать оставления их в руках противника; не вводить в бой танки КВ и Т-34 с плохо подготовленными экипажами, организуя доподготовку последних при каждой возможности.

7. Моему помощнику по танковым войскам генерал-майору Шурову следить за выполнением настоящего приказа; о всех фактах неправильного применения танков докладывать мне немедленно.

8. Настоящий приказ проработать со всем командным составом.

*Командующий Западным фронтом
генерал армии Жуков*

*Член Военного совета фронта Круглов
Начальник штаба фронта
генерал-лейтенант Соколовский*

*16 января 1942 года.
Тильзит*

Пулеметчик второго отделения второго взвода первой роты 743-го ВДБ гвардии рядовой Михаила Бояринов только что отбил очередную атаку и, пользуясь затишьем, сменил ствол. После чего, сев на дно траншеи вместе со вторым номером, занялся набиванием пулеметных лент. Они занимали оборону на северном берегу Немана. Только час назад эти траншеи, доты и блиндажи занимала немецкая рота, мертвые солдаты которой теперь лежали на позициях, и убрать их не было времени, а теперь уже и сил. Атаки следовали одна за другой. Правда, сожженные гранатометчиками роты два танка и несколько бронетранспортеров заставили немцев зауважать противника и при атаках вести себя осторожно. Тем не менее потери были и в роте. Особенно досаждала десантникам минометная батарея. Спасали добротные сделанные немцами предместные укрепления – для себя же старались.

Михаил стал десантником еще до войны – призыв осенью 1940 года. Сразу попал в 202-ю воздушно-десантную бригаду на Дальний Восток. Бригада была лучшей в составе воздушно-десантных войск, принимала участие в боях на Халхин-Голе, где отличилась. Миша Бояринов был крепким парнем, поэтому в красноармейской книжке в графе «воинская специальность» появилась запись «пулеметчик» с вручением ему ручного пулемета ДП-27. Когда началась война, весь личный состав бригады подал рапорта с просьбой отправить в действующую армию, потому как бригада продолжала нести службу в Хабаровске. Писал рапорт и Миша. Но отказано было всем. По этому поводу на построении командир бригады полковник Денисенко сказал, что нужно готовиться к встрече с врагом, нужно усилить качество боевой подготовки и не мешать своими рапортами командованию работать.

Однако в начале июля в бригаду приехали командиры НКВД из самой Москвы и стали вызывать на собеседование красноармейцев и младших командиров бригады. Вызывали не всех, но те, кто ходил к ним, наотрез отказывались рассказывать, о чем с ними разговаривали. Неожиданно для него самого вызвали и красноармейца Бояринова.

Сидящий напротив него за столом командир НКВД много курил и задавал разные и вроде бы не связанные между собой вопросы. То спрашивал, как служится, освоил ли Миша пулемет, то кто его родители, давно ли получал письма от них. Спрашивал о товарищах по роте и взводу, о командирах. Михаил отвечал честно, не стараясь что-то скрывать, но и не говорил ничего лишнего.

Потом командир НКВД его предупредил о сохранении в тайне этого разговора и дал ему подписать бумагу, в которой были записаны его ответы. Вот тут Миша, честно говоря, немного труханул. Но потом, подумав, понял, что и все остальные тоже подписывали, наверное, такие же бумаги, и ничего с ними не случилось.

И он, в свою очередь, молчал, о чем с ним разговаривали, не отвечая на вопросы товарищей. А через несколько дней энкавэдэшники уехали, и снова жизнь пошла по расписанию, определенному Уставами.

Тем неожиданней был вызов Бояринова и еще десятка красноармейцев и младших командиров других рот к начальнику штаба бригады, а затем и его приказ заместителю начальника штаба бригады обеспечить выдачу им положенного имущества, продовольственных и вещевых аттестатов, сухого пайка на трое суток и доставить эту группу к 14 часам в Хабаровское управление НКВД.

По прибытии в УНКВД их встретил старший лейтенант ГБ, проверил по списку и вместе с ними на полutorке отправился на Хабаровский аэродром, где их ожидал специально присланный ПС-84. Через пять суток изматывающего полета и десятка посадок, с ночевками в палатках, самолет приземлился на незнакомом аэродроме «Двоевка». Выйдя на летное поле аэродрома, Михаил уверился в том, что в его жизни начинается самое интересное. Того, что он успел увидеть за несколько минут, пока их не посадили в огромный тентованный грузовик, он не видел никогда. Жизнь на аэродроме кипела: на рулежных дорожках вереницей двигались странные самолеты без винтов и чуть позже с грохотом поднимались в небо, разгоняясь по

длинной бетонной полосе. Везде сновали грузовики незнакомых марок, строем передвигались подразделения, на стоянках копались у самолетов техники. И все это было столь незнакомо и удивительно, что Михаил даже замешкался и не услышал команду «По местам!». В чувство его привел тоже странного вида командир – в голубом берете, тельняшке и форме с голубыми погонами и желтыми лычками, подтолкнув к машине. Миша ужаснулся в душе и посмотрел на командира НКВД. Тот ответил на его удивленно-испуганный взгляд усмешкой и кивком показал на кузов грузовика. Около заднего борта сели двое незнакомцев в такой же странной форме, старший лейтенант НКВД сел в кабину. Тент сзади был опущен, и в щель между ним и бортом было мало что видно. Миша только понял, что вначале ехали по хорошей бетонированной дороге, потом пошел проселок, замелькали деревенские избы, потом машину затрясло на булыжной мостовой города. Потом снова ехали по пыльной полевой дороге. Автомобиль притормозил, послышались голоса, снова дернулся, включив передачу. Сзади промелькнул шлагбаум с оборудованной огневой точкой и часовым в каске.

Наконец автомашина остановилась, и послышалась команда «К машине!». Незнакомцы выскочили, откинув тент и опустив задний борт. Они выгрузились на опушке леса. Под кронами сосен и елей располагался палаточный лагерь. В лагере было малоллюдно, виднелась только дежурная служба и караулы. Зато где-то неподалеку гремело выстрелами стрельбище.

Сразу же у машины их построили, и старший лейтенант НКВД доложил подошедшему майору ГБ о прибытии группы из Хабаровска и передал тому в опломбированном вещмешке их личные дела. Майор внимательно осмотрел пломбы и, окинув взглядом строй, бросил старшему из незнакомцев: «Далее – по распоряжку». После чего со старшим лейтенантом ГБ удалился.

Их перестроили в две шеренги и, скомандовав «Напра-во! Шагом! Марш!», куда-то повели. Через несколько минут подошли к одной из палаток, где им было приказано оставить все вещи. После этого снова строем отправились куда-то еще. Следующим пунктом оказалась полевая баня, состоящая из трех соединенных тамбурами больших армейских палаток. В первой они разделись, во второй стояли две буржуйки и баки с холодной и горячей водой. Пол был поднят на лагах над землей. Их сразу предупредили, что после помывки следует перейти в третью палатку, а за своей формой они вернуться позже.

В третьей палатке им выдали новую форму. Таковую же, как была на незнакомцах: сапоги из непонятого материала черного цвета, хлопчатобумажный комбинезон с голубыми погонами и странными желтыми буквами «СА» на них и такой же голубой берет с кокардой и красной звездой в центре, кожаный ремень с желтой массивной бляхой со звездой. Вместо нижнего белья выдали трусы и тельняшки с голубыми полосками. При одевании помощь им оказывал старшина, выдававший обмундирование.

По выходе из этой палатки они с интересом рассматривали друг друга, пока их опекуны курили и в свою очередь смотрели на них. Потом их снова построили, и старший из незнакомцев предупредил их, что здороваться нужно будет с товарищем лейтенантом, и, скомандовав «Смирно!», доложил подошедшему командиру.

Тот принял доклад и, повернувшись к строю, поздоровался с ними. Ответ был недружным и вялым.

Усмехнувшись, он подал команду «Вольно!» и тут же произнес, обращаясь к тем, кто привез их с аэродрома:

– Товарищи сержанты! Поправьте на новобранцах форму.

Михаила покорило слово «новобранцы», тем более что он точно знал, что в строю с ним стоят бойцы и сержанты, отслужившие уже по два года.

Сержанты поправили на них береты, подтянули ремни и снова встали в строй.

Лейтенант оглядел строй и, подав команду «Смирно!», продолжил:

– Товарищи бойцы! Солдаты и сержанты! Поздравляю вас с зачислением в состав 743-го Отдельного Гвардейского воздушно-десантного батальона. Я – лейтенант Черных, курсовой офицер вашего взвода. Командир взвода – старший лейтенант Михайлов. В настоящий момент он вместе с личным составом взвода находится на занятиях. Командиру и личному составу вы будете представлены вечером. А теперь коротко о том, что нам предстоит. Предстоит нам в кратчайшие сроки освоить науку воевать в целом и свои воинские специальности в частности. Как говорил товарищ Ленин, будем «учиться военному делу настоящим образом».

Далее, мне известно, что среди вас есть сержанты; вам нужно привести свои погоны в соответствие со званием, но! Вы пока будете сержантами без должности. По окончании учебного периода будет принято решение о предоставлении вам соответствующих должностей. А сейчас вам придется осваивать учебный материал наравне со всеми. Помогать вам в этом будут сержанты – командиры учебных отделений. Двоих вы здесь видите. На этом всё. С остальными офицерами батальона познакомитесь в процессе боевой учебы. Сегодня у вас день на обживание – завтра начало занятий. Вольно! Товарищи сержанты! Личный состав в вашем распоряжении.

Мишу покорило слова «солдаты и офицеры»: он как-то привык, что это относится к белогвардейцам, а тут придется быть «солдатом» и подчиняться «офицерам». Да и погоны те же. И куда, спрашивается, ГБ смотрит?

После построения они сходили за своей старой формой и сдали ее тому же старшине, забрав личные вещи. Потом была столовая – хоть и полевая, но со вкусным обедом. Кроме них во взводе были еще бойцы из 204-й ВДБр, уже повоевавшие на фронте. После обеда подгоняли форму, получали оружие – Мишке достался «старый знакомый» ДП-27. Остальным повезло больше – им выдали автомат ППД. Еще были снайперские винтовки СВТ и АВС. И незнакомый РПГ. И всем выдали бронежилеты, которые разрешили снимать только на время сна. Чтоб привыкали. Вечером они познакомились с командиром взвода. Им оказался молодой старший лейтенант с новеньким орденом Красной Звезды на груди. И что очень сильно удивило Бояринова – и командир взвода и часть бойцов их взвода оказались пограничниками. И все как один были награждены медалями и орденами.

А утром началось... Огневая, физподготовка – бег и рукопашный бой, тактика – индивидуальная, в составе отделения, взвода. И так целый день с перерывами на прием пищи. И строительство учебной базы Центра в свободное время. Все, в общем-то, были не салагами, однако нагрузки были таковы, что теоретические занятия и огневая с чисткой оружия воспринимались как отдых. Через два месяца гвардии рядовому Бояринову и всем остальным заменили оружие – ему вручили немецкий МГ-34, а всех вооружили немецкими автоматами МП-38 и МП-40, объяснив, что десантник обязан уметь пользоваться любым, в том числе и трофейным оружием. А еще через два месяца перевооружили на вообще незнакомое оружие. Михаил стал обладателем новенького пулемета РП-46, а остальные бойцы получили автоматы ППС. Легкие, компактные, удобные. Магазины к ним носили в разгрузках на груди, называемых солдатами «лифчиками». Вот это оружие понравилось всем. Мише оно понравилось вдвойне – пулемет был лучше его старого знакомого.

И вот учеба закончилась, три их роты быстро перекинули под Минск и в ту же ночь одним рейсом ПС-84 и странных летательных аппаратов под названием «вертолет» перебросили за линию фронта в лесной массив примерно в тридцати километрах северо-западнее Расейняй и пятьдесят северо-восточнее Тильзита. Оттуда батальон за две ночи дошел до цели и под покровом ночи атаковал предмостные укрепления, используя приборы бесшумной стрельбы и ночного видения. И сейчас перед ними стояла задача удержать позиции и дожидаться частей Особого Гвардейского корпуса.

От воспоминаний Мишу оторвала неожиданно переданная по траншее команда приготовиться к контратаке, быть внимательными и не поджечь свои танки, которые с минуты на минуту должны атаковать немцев с тыла. Все прильнули к оружию.

Миша передернул затвор пулемета, дослав патрон в патронник, и прижал приклад к плечу.

И буквально через пару минут в тылу у немцев вспыхнула стрельба: затыкали противотанковые пушки, в небо взлетели осветительные ракеты, залились длинными очередями пулеметы. Прошла команда, и два взвода молча выбрались из траншей и быстрым шагом двинулись в сторону немцев. Немцы заметили их, когда десантники уже вышли на дистанцию гранатного броска – над полем взлетела ракета, и тут же забил огонек МГ. Но стрелял он ровно столько, сколько летела до него «лимонка». Ожил второй пулемет на третьем этаже дома в глубине немецкой обороны. В ответ из нашей траншеи защелкали снайперки, и их поддержал Мишин РП. Неизвестно, кто попал и попал ли вообще, но пулемет замолчал. А бой в глубине немецкой обороны разгорался: теперь уже в грохоте выстрелов было трудно выделить что-то отдельное. Немцы на южном берегу тоже всполошились и под прикрытием минометного огня попытались атаковать позиции десантников. Часть снайперов и Михаил развернули оружие на юг, держа под обстрелом немцев на прибрежном участке. Но почти одновременно загрохотало восточнее и западнее города, и немцам стало не до них.

17 января. Западный фронт.

Район Лиды

Генерал-лейтенант Оганян смотрел на карту. На ней позиции его армии выглядели острием клина, упиравшегося в Лиду. Клин имел в основании ширину около ста километров и высоту чуть более ста километров. Вроде неплохо за первые трое суток сражения, однако уже сейчас выявились неприятные факторы.

Первое – фронт так и не смог преодолеть немецкую оборону на высотах под Новогрудком, и немцы нависали над левым флангом его армии.

Второе – ожидавшийся контрудар немцев оказался сильнее, чем предполагалось, и сейчас немцы с севера прижимают оборону советских дивизий к коммуникациям его армии.

В войсках своей армии Оганян не сомневался. Даже без Особого корпуса РГК она была способна взять Лиду и двигаться дальше в направлении Кенигсберга. Но без поддержки фронта это становилось бессмысленно. Уже сейчас он вынужден держать левый фланг силами 6-го кавкорпуса генерал-лейтенанта Никитина.

Только что он говорил по ЗАС с командующим фронтом Жуковым. Тот с сожалением констатировал факт неспособности мехкорпусов армий Западного фронта взломать немецкую оборону, несмотря на большие потери в технике и людях с обеих сторон. Кроме того, он передал Оганяну сведения о состоянии дел у соседей – Северо-Западного фронта. Особый корпус РГК прорвался в Тильзит, но подвижные соединения фронта отрезаны от него и остановлены противником под Шяуляем.

Удар 4-й Танковой группы придется отражать с привлечением части сил 1-й Ударной армии. Решили выделить для этого 5-й мехкорпус генерал-лейтенанта Алексеенко.

Поэтому Жуков считает возможным и необходимым взятие Лидского укрепрайона силами 6-го мехкорпуса Хацкилевича и завершение наступательной операции. В помощь Оганяну для закрепления успеха обещал выделить несколько еще не до конца переформированных стрелковых дивизий из состава довоенных армий округа.

«Да, – подумал Оганян, – это немцы еще 1941 года. Их так просто не сломишь. Факт».

18 января 1942 года.

Кенигсберг. Королевский замок

К десяти утра в замок прибыли командующие группами армий «Центр» и «Север» генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге и фельдмаршал Вильгельм фон Лееб. Их обоих внезапно вызвал Гальдер, приказав срочно явиться в Кенигсберг, захватив с собой карты с оперативной обстановкой на утро 18 января.

Только войдя в зал замка, поняли и срочность, и секретность этого вызова. Во главе стола с расстеленной на нем картой и в окружении представителей ОКХ и ОКВ стоял фюрер.

Он счел нужным и возможным прилететь на фронт и таким образом вселить в своих подчиненных уверенность в победе. Во избежание лишних проблем со стороны большевиков этот визит был организован в обстановке секретности и без обычной подготовки, которая могла насторожить русскую разведку.

Гитлер против обыкновения обошел стол и поздоровался с каждым из них за руку. После чего пригласил за стол и, сказав краткую вступительную речь, предложил фон Клюге доложить состояние дел в Группе армий «Центр».

– На данный момент, – начал доклад командующий Группой, – обстановка близка к стабилизации. Русские выдохлись. Мы смогли удержать высоты севернее и южнее участка их прорыва, тем самым локализовав его и не дав большевикам свернуть наш фронт. Одновременно, как и планировалось, ударом с севера во фланг 4-я Танковая группа поставила под угрозу коммуникации Первой Ударной армии русских. И для парирования этого удара они вынуждены из состава этой армии выделить целый мехкорпус, о перемещении которого на восток от Лиды уже имеются сведения разведки. Более того, в неудачных попытках Жукова сбить наши части с высот русские понесли большие потери в технике и людях, и это в конечном счете привело к тому, что эшелон развития успеха русских не смог поддержать их ударную армию и прикрыть левый фланг. Поэтому из состава той же Ударной армии был для этой цели выделен кавкорпус. Таким образом, ударная сила русских – 1-я Ударная армия – лишилась двух третей своего состава, и сейчас Лидский укрепрайон штурмует всего лишь один мехкорпус.

– Какие перспективы у Группы на окружение зарвавшихся русских? – прервал его доклад вопросом фюрер.

– Мой фюрер! – замялся фон Клюге. – У нас хватило сил удержать русских на заранее подготовленных позициях, но нам не хватает ударной мощи, чтобы нанести русским решающее поражение. После июльских неудачных сражений у нас слишком мало сил для этого. К тому же в небе снова «русские дьяволы». Они не принимают участия в авиаударах по нашим наземным войскам, но лишают наш воздушный флот надежды на реванш. А без воздушной разведки, авиаподдержки и танков мы лишены скорости и маневра и, следовательно, шансов на успешное наступление.

– То есть для вас успехом является то, что русские прорвались всего лишь на сто километров, а не на двести? Вы ставите себе в заслугу то, что вашу Группу всего лишь поколотили, а не разбили вдребезги?

– Разрешите, мой фюрер! – вклинился в разговор Гальдер. – Я считаю, что Группа армий «Центр» и лично ее командующий генерал-фельдмаршал фон Клюге сделали все возможное в нынешних условиях. Ударная армия русских сформирована из лучших русских корпусов, получивших боевой опыт в летних боях. Весь командный состав корпусов остался прежним. Армия, как мы убедились на практике, получила самое современное на сегодняшний день оружие, выпускаемое Советами. Все дивизии корпусов реформированы по новым штатам, в большей мере соответствующим современной войне. Практически каждая русская дивизия этой армии, не ошибусь, если скажу – удвоила огневую мощь, стала более маневренной и управляемой. Неудивительно, что десяток таких дивизий, введенных Жуковым в чистый прорыв, смогли пройти свыше ста километров вглубь нашей обороны за первые три дня. Одновременно нами отмечена другая, положительная для нас, особенность. Русские части, прибывающие из глубины России, не показывают столь ярких качеств. Наоборот, их личный состав не отлича-

ется упорством в достижении поставленной цели, командный состав безынициативен, не умеет организовывать общевойсковой бой, действует шаблонно. Этим объясняются большие потери русских перед нашими ключевыми позициями. Я считаю, что в создавшихся условиях войска Группы «Центр» сделали все возможное и в конечном счете нанесли противнику серьезные потери, заставив его заплатить за каждый метр занятой территории.

– Хорошо, Гальдер, будем считать, что вы меня убедили. Я пока соглашусь с вашей оценкой. – И, обратившись к командующему Группой армий «Север», кивнул: – Ваша очередь, господин фельдмаршал!

– Мой фюрер! – откашлявшись, начал доклад Вильгельм фон Лееб. – Войска Группы армий «Север», практически передав под управление ОКХ 4-ю Танковую группу, лишились ударной силы. И с этого момента мы проводили частные наступательные операции только с целью улучшения позиций. Одновременно нам были переданы остатки 2-й Танковой группы, которые проходили переформирование в тылу Группы и являлись пусть неполноценным, но нашим единственным оперативным резервом. С момента начала русского наступления в Белоруссии мы ожидали их удара и по нашим позициям. И он состоялся. Место начала операции наша разведка сумела вскрыть заранее по передислокации русских мехчастей. Однако частично русским удалось использовать внезапность ночным ударом. К сожалению, русские смогли быстро и скрытно перебросить на наш левый фланг Особый корпус, в состав которого входят «русские монстры».

Они в полной мере использовали свои возможности воевать ночью и прорвали фронт. Остановить мы их не смогли. В момент прорыва в состав корпуса, по данным радиоразведки, входило четыре дивизии. Все моторизованы. По утверждению офицеров, участвующих в боевых столкновениях с частями этого корпуса, у русских появились новые танки и штурмовые орудия. Скорость передвижения корпуса была такова, что наши резервы не успели к месту прорыва. Попытки хотя бы замедлить движение русских силами заслонов и гарнизонов тыловых городов не увенчались успехом. На сегодняшний день у нас нет средств, способных остановить «русских монстров». Попытка минирования предполагаемого маршрута движения также была неуспешной – у русских очень хорошо поставлена инженерная разведка. Самое крупное боестолкновение русские имели с нашими войсками на узле дорог Рига – Кенигсберг и Мемель – Каунас. Мы сумели собрать в этом месте группу частей и подразделений силой до дивизии. Однако в ходе двухчасового боя эта группа была окружена и погибла.

Одновременно с этим русский десант силой до батальона атаковал мосты в Тильзите. И снова русские использовали свое преимущество в ночном бою. Попытки гарнизона сбить русских десантников с захваченных позиций оказались безуспешными. Русские поголовно вооружены автоматическим оружием, имеют много пулеметов и ручное противотанковое оружие. Кроме того, они активно использовали орудия ПТО и ПВО, захваченные в предмостных укреплениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.